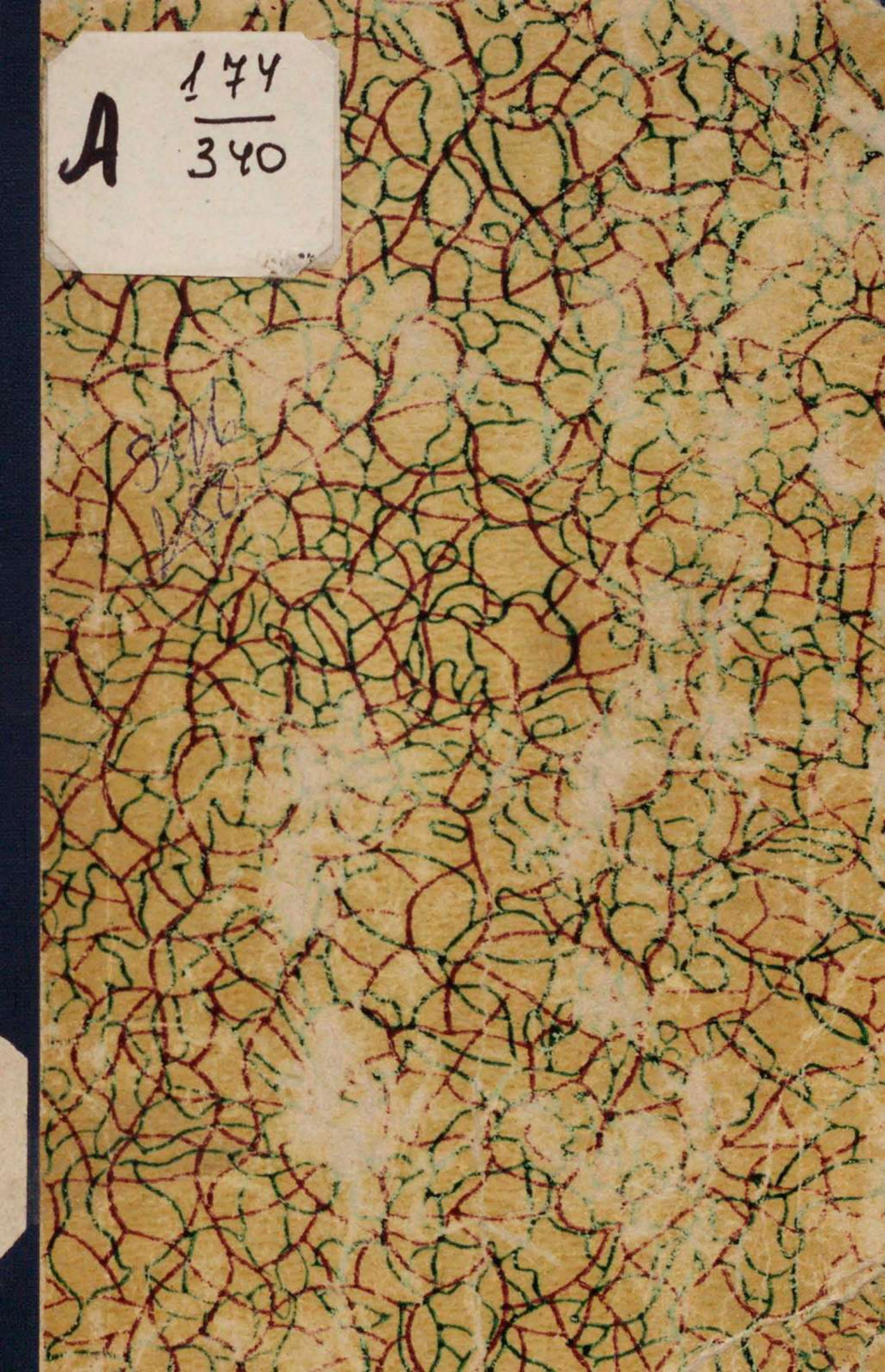
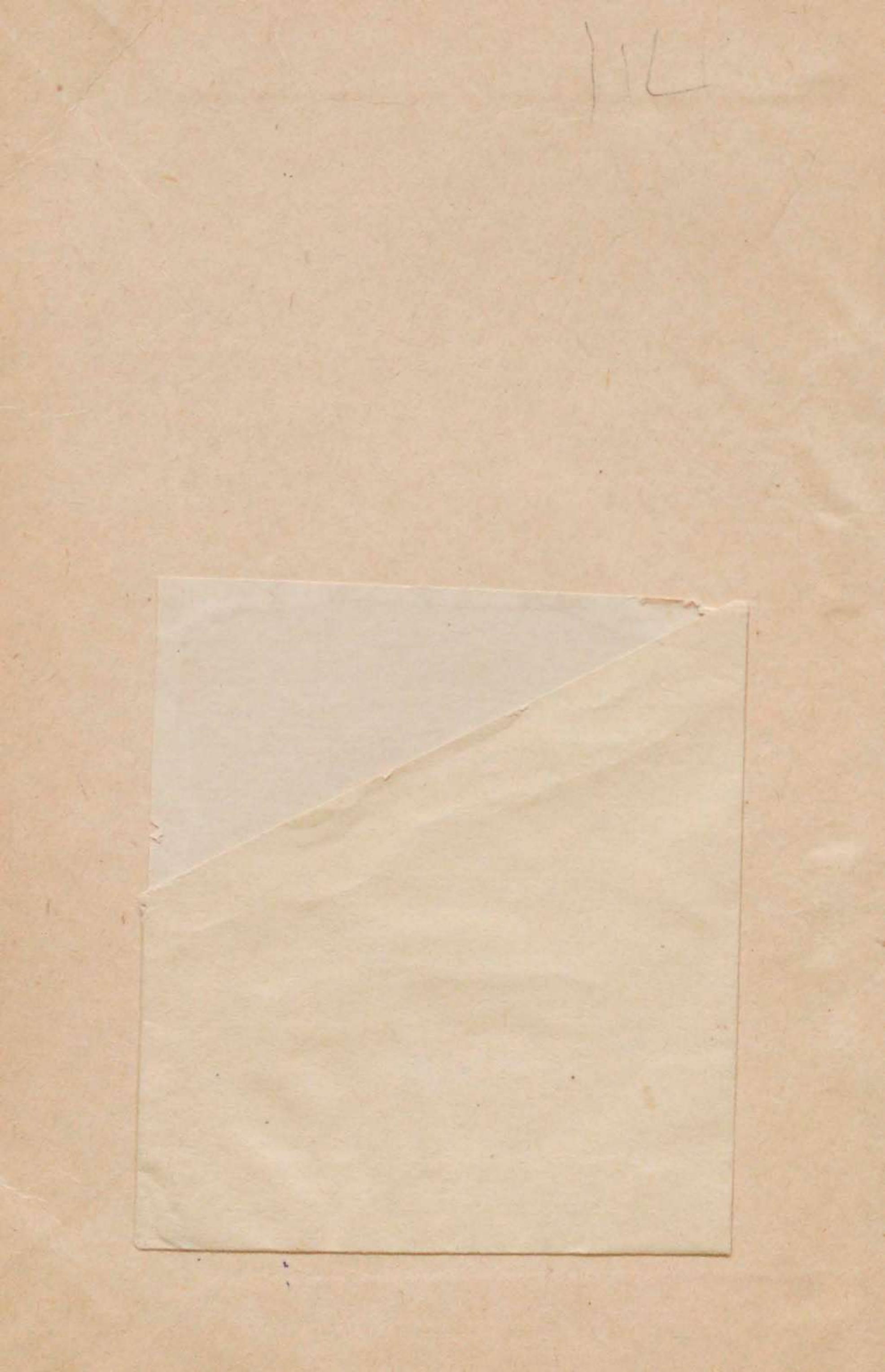

A
1 74
340

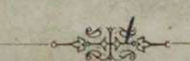

„ОБЪ ИСТОЛКОВАНІИ“

АРИСТОТЕЛЯ.

Переводъ съ греческаго

Э. Л. Радлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., д. 80.
1891.

„ОБЪ ИСТОЛКОВАНІИ"

АРИСТОТЕЛЯ.

Переводъ съ греческаго

Э. Л. Радлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., д. 80.
1891.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1891 г.

Сочиненіе «Объ истолкованіи» составляетъ часть Аристотелева Органона. Порядокъ, въ которомъ обыкновенно печатаются логическія сочиненія Аристотеля, а именно: Категоріи, Объ истолкованіи, Аналитика первая, Аналитика вторая, Топика и Софистическія доказательства, принадлежитъ не самому философу, а позднѣйшимъ издателямъ его сочиненій; порядокъ этотъ не хронологическій, но изъ того, что въ сочиненіи „Объ истолкованіи" упоминается Аналитика и Топика, еще нельзя заключить что первое сочиненіе написано позднѣе, чѣмъ другія два. Утвержденіе Михелиса (Aristotelis περὶ ἑρμηνείας. 1886) что „Объ истолкованіи" есть самое раннее изъ Аристотелевыхъ логическихъ сочиненій, имѣетъ только значеніе догадки, основанной не на фактахъ, а на апріорныхъ соображеніяхъ. Слѣдуетъ поэтому признаться, что время написанія „Объ истолкованіи" намъ неизвѣстно. Сочиненіе „Объ истолкованіи" всегда признавалось подлиннымъ произведеніемъ Аристотеля, и глубина мысли этого сочиненія всегда внушала удивленіе: Aristoteles quando peri Hermeneias scriptitabat, говоритъ Кассіодоръ (op. v. II, p. 467 изд. 1600 г.) и Исидоръ Севильскій, calamum in mente tingebat. Только одинъ Андроникъ [1]) Родосскій заподозривалъ принадлежность περὶ ἑρμηνείας Аристотелю на томъ основаніи, что ея содержаніе противорѣчитъ будто бы содер-

[1]) Да еще Патрицци, на томъ основаніи, что у Александра изъ Афродизіаса въ перечнѣ книгъ Аристотеля называется другое (затерянное) сочиненіе подобнаго же содержанія. Vide Frank. Histoire de la logique. Въ новѣйшее время заподозрили De interpretatione двое: Гумпошъ и Розе, авторъ Aristoteles Pseudepigraphus. Первый—на томъ основаніи, что въ De interpretatione не находится ничего, что не было-бы извѣстно изъ другихъ Аристотелевыхъ сочиненій; основанія втораго намъ неизвѣстны, такъ какъ его сочиненія намъ не удалось видѣть.

жанію сочиненія «О душѣ». Но уже Александръ изъ Афродизіаса показалъ неосновательность этого мнѣнія.

Есть однако основаніе предполагать, что редакція сочиненія не принадлежатъ Аристотелю, такъ какъ послѣдняя 14-я глава противорѣчитъ предшествующему, почему Порфирій не включилъ эту главу въ свой комментарій, какъ о томъ сообщаетъ Аммоній въ своихъ схоліяхъ; но самъ Аммоній полагаетъ, что и 14-я глава написана Аристотелемъ. Можетъ быть, эта глава сочинена ради діалектическихъ упражненій и первоначально вовсе не входила въ составъ De interpretatione; такого мнѣнія держится Гротъ (Aristotle. v. I, 193).

Въ философской и логической литературѣ De interpretatione играло выдающуюся роль, и до нынѣ въ составъ ученія о сужденіяхъ входитъ главное содержаніе этого сочиненія. De interpretatione комментировалось и переводилось очень много разъ; на послѣдующихъ страницахъ мы постараемся дать указанія относительно историческихъ судебъ этого сочиненія.

Непосредственными учениками Аристотеля, руководителями послѣ его смерти перипатетической школы, были Θеофрастъ и Евдемъ, и оба они, конечно, пользовались логическими сочиненіями своего учителя. Аммоній и Давидъ Армянинъ говорятъ о Θеофрастѣ, что онъ излагалъ De interpretatione. Діогенъ изъ Лаэрты и другіе упоминаютъ Θеофрастово сочиненіе περὶ καταφάσεως καὶ ἀποφάσεως, которое, по содержанію, навѣрное соотвѣтствовало Аристотелеву De interpretatione. Боэцій говоритъ: Theoprastus quidem in eo libro quem de affirmatione et negatione composuit de enunciativa oratione tractavit (Boet. ad Arist de interpr., p. 291. ed. Bas. 1570). То же самое говорятъ Аммоній и Давидъ объ Евдемѣ. Александръ изъ Афродизіаса упоминаетъ о сочиненіи Евдема περὶ λέξεως, которое соотвѣтствовало Аристотелеву De interpretatione. Но эти сочиненія до насъ не дошли. Не дошли до насъ и первые комментаріи на Аристотелево сочиненіе; мы знаемъ только, что нѣкоторые стоики и академики занимались подобнымъ комментированіемъ его, напримѣръ, стоики Аθенодоръ и Корнутъ и академикъ Евдоръ [1]).

Къ болѣе позднимъ комментаторамъ Аристотеля принадлежатъ Андроникъ Родосскій, ранѣе нами упомянутый, жившій около 50-хъ годовъ до Р. Х., его ученикъ Боэтъ изъ Сидона, котораго не слѣ-

---

[1]) См. *Prantl*. Geschichte der Logik, I., 529.

дуетъ смѣшивать съ Боэціемъ (Manlius Severinus Boëtius), Александръ Эгейскій, жившій въ первой половинѣ перваго столѣтія послѣ Р. Х., Адрастъ, Герминъ, Арнетъ и Галенъ (131—200 гг.), который написалъ комментарій, состоящій изъ 6-ти книгъ, къ Өеофрастову сочиненію περὶ καταφάσεως καὶ ἀποφάσεως и къ Евдемову περὶ λέξεως, состоящій изъ трехъ книгъ; въ спискѣ собственныхъ сочиненій онъ упоминаетъ также комментарій на Аристотелево περὶ ἑρμηνείας.

Изъ названныхъ писателей Андроникъ Родосскій былъ первымъ комментаторомъ Аристотеля, послѣ редакціи сочиненій нашего философа Тираннiономъ, и онъ, какъ мы упомянули, высказалъ предположеніе о непринадлежности περὶ ἑρμηνείας Аристотелю, но еще Аспазій и Герминъ комментировали De interpretatione и отвергали мнѣніе о подложности.

Боэцій говоритъ: Aspasius quoque et Alexander sicut in aliis Aristotelis libros in hoc quoque commentarios ediderunt (p. 394), и въ другомъ мѣстѣ: Ab Hermino vel Aspasio vel Alexandro expositiones singulas proferentes etc... Всѣ эти комментаріи до насъ не дошли, но мы почти съ увѣренностью можемъ сказать, что въ нихъ ничего оригинальнаго не содержалось, и, слѣдовательно, о потерѣ ихъ сожалѣть нечего.

Изъ втораго вѣка мы имѣемъ книгу Апулея De dogmate Platonis, которая иногда называется περὶ ἑρμηνείας и есть, по всей вѣроятности, переводъ какого-либо учебника, писаннаго по гречески; книга не полна, она содержитъ въ себѣ лишь ученіе о категорическомъ сужденіи и категорическомъ умозаключеніи и не можетъ быть отнесена къ комментаріямъ на Аристотелево De interpretatione.

Къ концу втораго вѣка относится знаменитый Александръ изъ Афродизіаса, преподававшій философію въ Аѳинахъ въ періодъ времени отъ 198 до 210 года. Онъ несомнѣнно былъ самый даровитый изъ комментаторовъ Аристотеля, одинъ изъ немногихъ, вникавшихъ въ самый духъ Аристолевой философіи, почему его и считали комментаторомъ по преимуществу, называя ὁ ἐξηγητής. Къ сожалѣнію, его комментарій на περὶ ἑρμηνείας затерянъ. Точно также затерянъ и комментарій Порфирія (233—304 гг.). Этотъ знаменитый ученикъ Плотина, имѣвшій такое громадное значеніе въ исторіи человѣческой мысли, благодаря Введенію въ изученіе Аристотелевыхъ Категорій, по свидѣтельству Боэція, комментировалъ также и De interpretatione и Өеофрастово περὶ καταφάσεως καὶ ἀποφάσεως. Оба истолкованія затеряны.

Аристотеля комментировали усердно и въ четвертомъ, и пятомъ

вѣкахъ. Такъ Ямвлихъ, по свидѣтельству Аммонія, написалъ комментарій къ De interpretatione, до насъ не дошедшій. Θемистію (330—390 гг.) приписываютъ псевдо-Августиново сочиненіе de decem categoriis; Спенгель издалъ въ 1866 году въ Лейпцигѣ парафразы Аристотелевыхъ сочиненій, написанныя Θемистіемъ, но между ними нѣтъ комментарія на De interpretatione, хотя Фотій и утверждаетъ, что Θемистій комментировалъ всѣ сочиненія Аристотеля, слѣдовательно, и De interpretatione. Комментаріи Сиріана (390—450 гг.) и Прокла на De interpretatione до насъ не дошли.

Къ пятому вѣку относится такъ называемая сирійская философія [1]). Перипатетизмъ проникъ въ Эдесскую школу въ V вѣкѣ; до того сирійская литература была исключительно религіозною. Несторіане, послѣ собора въ Эфесѣ, распространили знакомство съ Аристотелевою философіей, къ которой сектанты вообще относились благосклонно. Одно и то же лицо утвердило въ Эдессѣ несторіанство и познакомило съ Аристотелемъ; отъ первой Эдесской школы, уничтоженной въ 489 году указомъ императора Зенона, имѣются отрывки комментарія Проба на περὶ ἑρμηνείας, хранимые въ Британскомъ музеѣ (№ 14660). Позднѣе, въ VI вѣкѣ, Аристотелева философія вновь процвѣла въ Сиріи и просуществовала тамъ до IX вѣка, при чемъ VI и VII вѣка особенно замѣчательны. Сирійцы чувствовали какую-то особенную нѣжность къ De interpretatione: они считали это сочиненіе Аристотеля особенно важнымъ и посему особенно часто переводили и комментировали его. Большинство сочиненій сирійской философіи затеряны или находятся и донынѣ въ рукописяхъ въ различныхъ библіотекахъ и, конечно, никогда не будутъ изданы въ свѣтъ. Сирійская философія однако играетъ нѣкоторую роль въ исторіи человѣческой мысли, ибо она сохранила и восприняла греческую философію, находившуюся тогда въ крайнемъ упадкѣ, низведенную до одного Аристотелева Органона, и передали ее впослѣдствіи арабамъ. Изъ Сиріи Аристотелева философія перешла въ Персію, гдѣ при царѣ Хозроѣ получила нѣкоторое значеніе. Не только несторіане, но и монофизиты восприняли Аристотелеву философію, чему особенно способствовалъ Сергій, епископъ Резайнійскій, которому, по предположенію Ренана, принадлежитъ сочиненіе, хранящееся въ Британскомъ музеѣ: оно раздѣлено на 2 части

---

[1]) *Renan.* De philosophia peripatetica apud Syros. Paris. 1852; *Hoffmann.* De hermeneuticis apud Syros Aristoteleis. 1868.

и имѣетъ два заглавія: De nomine et verbo и De affirmatione et negatione; сочиненіе это соотвѣтствуетъ Аристотелеву περὶ ἑρμηνείας.

Въ VII вѣкѣ въ Киннесринійской киновіи (Coenobium Kinnesrinense) было нѣсколько замѣчательныхъ перипатетиковъ, напримѣръ, Северъ Сабохтъ или Іезубохтъ (640), епископъ Киннесринійскій; отъ него сохранилось (Brit. Mus. № 14660) Epistola seu scholion de vocibus quibus difficilioribus quae sunt in libro περὶ ἑρμηνείας ad Episcopum AitoIIatam. Ученикомъ этого Сабохта былъ Аѳанасій Баладанскій, ученикомъ котораго былъ Георгій, ставшій епископомъ въ 687 году; отъ него мы также имѣемъ сочиненіе ὁ περὶ ἑρμηνείας (Brit. Mus. № 14659). Ассеманни въ Bibliot. orient. III 306 — 307 утверждаетъ, что Іаковъ Эдесскій (епископъ съ 651—710) перевелъ De interpretatione; но кажется, что утвержденіе это неосновательно. Полный перечень сирійскихъ переводовъ и комментаріевъ можно найдти у Wenrichius De auctor. graec. vers et comment. syriacis arab armen. persicisque commentatio. Lipsiae 1842. О значеніи этой сирійской философіи Ренанъ говоритъ на стр. 55: Duas res animadvertisse sufficiat: omnes ad unum fuisse Syros et christianos eosdem fere semper auctores graecos syriace et arabice vertisse, primo quidem syriace, dein ex syriaco arabice.

Аристотель впервые переведенъ на арабскій языкъ въ IX вѣкѣ, и первымъ переводчикомъ былъ Ибнъ-аль-Батрикъ (filius patriarchae), но наиболѣе важными переводчиками были Гонейнъ Ибнъ-Ишакъ (Johannitius), несторіанецъ, умершій въ 876 году, сынъ его Ишакъ бенъ Гонейнъ, и внукъ—Гобейшъ-Эль Асамъ; но сдѣланные ими переводы всѣхъ сочиненій Аристотеля не сохранились. Въ X вѣкѣ всѣ его сочиненія были вновь переведены на сирійскій языкъ, а съ сирійскаго на арабскій, и этими-то переводами, составленными въ X вѣкѣ, пользовались Аввероэсъ, Авицена и др. И въ позднѣйшее время сирійская философія не совсѣмъ умерла; извѣстно, что Григорій Баргебрей (Barhebraeus) комментировалъ Аристотелевы сочиненія, и между прочимъ περὶ ἑρμηνείας. Весьма вѣроятно, что въ сирійскихъ монастыряхъ хранятся многіе не изданные переводы и комментаріи на Аристотеля, и, можетъ быть, въ этихъ монастыряхъ можно встрѣтить и теперь несторіанъ, подобно тому, какъ Юнкеръ въ своемъ „Reisen in Africa“ (выпускъ 2-й) описываетъ коптскіе монастыри, въ которыхъ донынѣ сохранились монофизиты, считающіе себя послѣдователями Кирилла Александрійскаго, противника Несторія.

Возвратимся теперь къ концу пятаго вѣка, а именно къ Аммонію

ученику Прокла. Отецъ Аммонія, Гермія, написалъ комментарій къ Isagoge; сынъ его, принадлежащій къ числу знаменитѣйшихъ комментаторовъ, новоплатоникъ Аммоній, былъ учителемъ философіи и математики въ Александріи. Его комментарій на περὶ ἑρμηνείας сохранился и былъ нѣсколько разъ издаваемъ, между прочимъ, въ 1505 году въ Венеціи вмѣстѣ съ остальными дошедшими до насъ комментаріями. Къ этому же времени, то-есть, къ концу пятаго столѣтія, относится и комментарій Боэція (470—520 гг.), значеніе коего въ средніе вѣка было чрезвычайно велико; онъ служилъ посредникомъ для позднѣйшихъ вѣковъ при изученіи Аристотелевой Логики. Боэцій перевелъ περὶ ἑρμηνείας и снабдилъ это сочиненіе Аристотеля подробнымъ комментаріемъ, который Прантль считаетъ значительнѣйшимъ произведеніемъ Боэція. Главнѣйшимъ пособіемъ при толкованіи Аристотеля служилъ для Боэція Порфирій, о которомъ Боэцій говоритъ: „cujus expositionem nos scilicet quam maxime a Porphyrio, quamquam etiam a ceteris transferentes latina oratione digessimus. Hic enim nobis expositor et intellectus acumine et sententiarum dispositione videtur excellere". Современникъ Боэція Кассіодоръ имѣлъ, подобно первому, большое вліяніе на философію въ средніе вѣка; но онъ не писалъ, какъ предполагали нѣкоторые, комментарія на De interpretatione. Къ шестому вѣку относятся два ученика Аммонія, продолжавшіе дѣло своего учителя. Симплицій и Филопонъ Грамматикъ; первый былъ изгнанъ изъ Аѳинъ въ 529 году, когда императоръ Юстиніанъ закрылъ философскія школы. Среди ихъ комментаріевъ мы не находимъ однако толкованія на De interpretatione; въ шестомъ вѣкѣ жилъ также Давидъ Арминъ, впервые ставшій извѣстнымъ въ исторіи логики въ 1828 году, благодаря двумъ статьямъ Неймана въ Journal asiatique: онъ перевелъ De interpretatione на армянскій языкъ. Къ VII вѣку относится Стефанъ Александрійскій [1]), пришедшій въ Константинополь во время императора Гераклія (575—641 гг.). Его комментарій на περὶ ἑρμηνείας изданъ впервые въ 1885 году Берлинскою академіей наукъ, которая возымѣла счастливую мысль собрать и издать всѣхъ греческихъ комментаторовъ Аристотеля. Комментарій Стефана Александрійскаго самъ по себѣ не имѣетъ значенія, ибо повторяетъ лишь то, что̀ гораздо полнѣе говоритъ Аммоній, но онъ интересенъ, какъ указаніе на то, что и въ самый темный періодъ визан-

[1]) О немъ см. *H. Usener*. De Stephano Alexandrino commentatio. Bonae 1880.

тійской исторіи находились люди, занимавшіеся наукою; сверхъ того, и для установленія текста Аристотеля этотъ комментарій имѣетъ нѣкоторое значеніе.

У Исидора Севилльскаго († 636 г.) впервые встрѣчается варварское заглавіе «De Peri hermeniis Aristotelis»; самое содержаніе главъ о сужденіи составлено по Боэцію и Кассіодору. О латинскихъ комментаторахъ Бартелеми Сентъ-Илеръ (въ введеніи къ переводу Аристотелевой Логики I, 60) говоритъ: Le seul point de quelque importance à remarquer dans les commentateurs latins c'est que la division de l'Hermeneia... n'est pas pour eux la même que pour les commentateurs grecs. Ils partagent.... le traité en deux livres; ils ont en cela été suivis par le moyen âge presque entier; l'université de Coïmbre dans son commentaire au milieu du XVII siècle est restée fidèle encore à leur exemple. Какъ ни незначительны эти комментаріи, но въ исторіи мысли среднихъ вѣковъ они играли роль. До XII вѣка не было извѣстно другихъ книгъ по логикѣ, какъ сочиненія Марціана Капеллы, Боэція, Кассіодора и Августина (подложныя).

Такое же значеніе, какъ Исидоръ Севилльскій, имѣетъ и Алкуинъ (738—804 гг.); въ его Діалектикѣ имѣется прибавленіе «De Perihermeniis», заимствованное у Исидора. Въ этомъ прибавленіи имѣются замѣчанія объ отношеніи языка къ мысли, замѣчанія, получившія позднѣе важность въ спорѣ реалистовъ и номиналистовъ. Вотъ какъ Алкуинъ представляетъ себѣ это отношеніе: Tria sunt, quibus omnis collocatio disputatioque perficitur, res, intellectus, voces; res sunt quae animi ratione percipimus: intellectus, quibus res ipsas addiscimus; voces quibus res intellectus proferimus, и въ другомъ мѣстѣ: Verba enim, quibus loquimur, nihil aliud sunt nisi signa earum rerum, quas mente concipimus, quibus ad cognitionem aliorum venire volumus [1]).

Рабанъ Мавръ (Hrabanus Maurus, 776—856 гг.) одно изъ знаменитыхъ именъ IX вѣка; ему приписывается нѣсколько сочиненій, изъ коихъ нѣкоторыя по духу скорѣе могли быть написаны Іоанномъ Скотомъ Еригена (800—875 гг.), самымъ выдающимся мыслителемъ IX вѣка. Кузенъ въ своемъ изданіи сочиненій Абэлара (oeuvres inéd. d'Abélard) помѣстилъ сочиненіе подъ заглавіемъ Rabanus super Terencivaa; онъ предполагаетъ, что это испорченное слово super perihermenias, самый же трактатъ есть пересказъ комментарія Боэція. Ученикъ Рабана, знаменитый въ свое время Эрикъ изъ Оксерра, сдѣлалъ,

---

[1]) *Prantl.* G. d. Log. II, 17.

по предположенію Орео, къ этому сочиненію маргинальныя замѣчанія [1]), касающіяся De interpretatione, не имѣющія, впрочемъ, значенія. Слѣдуетъ отмѣтить только, что еще въ концѣ IX столѣтія появляется реализмъ, такъ что позднѣйшіе представители реализма не высказали принципіально ничего новаго.

X вѣкъ въ духовномъ отношеніи самый бѣдный, самый безплодный, и мы не имѣемъ ничего отмѣтить достойнаго вниманія.

Въ XI вѣкѣ интересъ къ философіи и логикѣ вновь постепенно возрождается; стали вновь появляться учебники, стали комментировать уже имѣющіеся. Появилась стихотворная обработка Isagoge и Категорій (см. Cousin Oeuvres inéd. d'Abélard, 657—669), сдѣланная анонимнымъ писателемъ, въ которой упоминается и De interpretatione. Толчекъ къ изученію логики былъ данъ Ноткеромъ Лабео (Notker Labeo † 1022) изъ С.-Галлена; подъ его вліяніемъ написанъ первый логическій трактатъ на нѣмецкомъ языкѣ, онъ содержитъ въ себѣ переработку Категорій и περὶ ἑρμηνείας (о немъ см. Prantl. Ueber die zwei ältesten Compendien d. Logik in deutscher Sprache. München. 1856). Обработка περὶ ἑρμηνείας сдѣлана по переводу Боэція, и внесенныя замѣчанія заимствованы изъ комментарія того же автора.

До начала XII вѣка обѣ Аналитики, Топики и Софистическія доказательства были совсѣмъ не извѣстны; но въ началѣ XII вѣка появляются переводы этихъ сочиненій. Важное свѣдѣніе сообщаетъ намъ Абэларъ о логическихъ сочиненіяхъ своего времени. Онъ говоритъ, что въ употребленіи были 7 книгъ: Категоріи, Объ истолкованіи, Isagoge Порфирія и 4 сочиненія Боэція. Но изъ сочиненій Абэлара же мы можемъ заключить, что ему извѣстны и нѣкоторыя другія логическія сочиненія Аристотеля.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ логическаго матеріала долженъ былъ расшириться и кругъ логическихъ вопросовъ, появились направленія— старыхъ и новыхъ, antiqui et moderni, при чемъ новыми назывались тѣ, которыя придерживались всего Аристотелева Органона, а не однихъ семи выше перечисленныхъ сочиненій. Возгорѣлся съ особою силою споръ номиналистовъ и реалистовъ. Но мы за всѣмъ этимъ слѣдить не будемъ. Что касается ученія о сужденіи, то въ немъ именно и заключалось главное содержаніе преподаванія; поэтому De interpretatione не теряло своего значенія; къ содержанію его присте-

---

[1]) *Hauréau*. Philosophie scholastique, I, 185 (изд. 1872 г.). Прантль, впрочемъ, не допускаетъ аргументаціи Орео.

гивали философскія проблемы [1]). Абэларъ сообщаетъ о магистрѣ В.' который написалъ Glossullae super Periermenias, въ которыхъ отвергалъ добавленія Боэція, сдѣланныя относительно неопредѣленнаго сужденія. Самъ Абэларъ написалъ Glossae in libr. de interpretatione, которыя были изданы Кузеномъ (Oeuvres inéd. d'Abélard. Paris. 1836). De interpretatione имѣли для Абэляра особую важность, ибо здѣсь онъ нашелъ мысль, благодаря которой, какъ ему казалось, можно соединить Платона и Аристотеля, а именно ту мысль, въ которой говорится объ общемъ, что оно natum est de pluribus praedicari. Все его ученіе о «sermone» примыкаетъ къ De interpretatione. Рѣчь (sermo) стоитъ въ извѣстномъ сродствѣ съ обозначаемыми ею предметами, хотя названіе зависитъ отъ предмета, который предшествуетъ рѣчи. Роды и виды не суть то, что обозначается словами, обозначающими ихъ, но обозначаемое ими не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ продуктами процесса, создающаго роды и виды. Сущность ученія Абэлара можетъ быть выражена слѣдующими стихами:

Hic docuit voces cum rebus significare,
et docuit voces res significando notare;
Errores generum correxit, ita specierum:
Hic genus et species in sola voce locavit,
et genus et species sermones esse notavit,
Significativum quid sit, quid significatum,
Significans quid sit, prudens diversificavit.
Hic quid res essent, quid voces significarent
Lucidius reliquis patefecit in arte peritis.
Sic animal nullumque animal genus esse probatur
Sic et homo et nullus homo vocitatur.

Remusat. Abél. (II, 104).

Касательно «De interpretatione» Абэларъ полагаетъ, что можно написать книгу, то-есть, комментарій на Аристотеля, который будетъ ничуть не хуже существующихъ знаменитыхъ комментаріевъ; однако у Абэлара мы не находимъ ничего, что оправдывало бы такое самомнѣніе, ибо онъ слѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ Боэцію или Марціану Каппелѣ.

Упомянемъ еще о комментаріи на De interpretatione, принадлежащемъ концу XII вѣка, часть котораго Кузенъ напечаталъ въ Fragments philosophiques. II ч. (philosophie scholastique. Paris. 1847, стр. 326—333); онъ не имѣетъ большаго значенія: авторъ держится

[1]) *Prantl.* Logik, II, 155.

Боэція и нѣкоторыхъ изъ греческихъ комментаторовъ; онъ. очевидно, ученикъ Абэлара.

Іоаннъ Саресберійскій († 1180)—первый авторъ, знающій весь Органонъ Аристотеля; онъ, подобно Абэлару, смотритъ на Логику, какъ на научное орудіе (Органонъ). Аристотель воспользовался матеріаломъ, доставляемымъ грамматикой, создалъ ученіе о категоріяхъ и сужденіяхъ. Не слѣдуетъ смотрѣть на Порфиріево введеніе, какъ на главное, а на самый Органонъ, какъ на дополненіе. Органонъ дѣлится на двѣ части: къ первой относится Порфиріева Isagoge, Категоріи и Объ истолкованіи, которыя составляютъ какъ бы предварительную работу, подготовку, относятся скорѣе ad artem, чѣмъ касаются самой ars: самое развитіе искусства познанія, inventio и judicium заключается въ Аналитикахъ, Топикѣ и Софистическихъ доказательствахъ.

XIII вѣкъ для исторіи мысли и въ особенности для исторіи логики имѣетъ особый интересъ, ибо въ этомъ вѣкѣ къ имѣющемуся уже логическому матеріалу присоединяются еще византійскія логическія сочиненія, арабскіе комментаріи на Аристотеля, и наконецъ, самыя сочиненія Аристотеля, въ которыхъ можно искать дополненія къ воззрѣніямъ Органона.

Византійская логическая литература существовала съ XI вѣка; самымъ замѣчательнымъ сочиненіемъ было Σύνοψις εἰς τὴν Ἀριστοτέλους λογικὴν ἐπιστήμην, составленная Михаиломъ Пселломъ. Петръ Испанскій перевелъ Пселлово сочиненіе на латинскій языкъ, и благодаря этому оно получило распространеніе на западѣ; впрочемъ, это сочиненіе было переведено и до Петра Испанскаго, но эти переводы не получили того распространенія, которое получилъ переводъ Петра благодаря авторитету, который Петръ Испанскій, будучи папою, могъ придать своему сочиненію. У Пселла De interpretatione занимаетъ первое и важнѣйшее мѣсто; изложеніе своей логики онъ начинаетъ съ сужденія. Логика Михаила Пселла замѣчательна тѣмъ, что въ ней впервые выступаютъ обозначенія, которыя впослѣдствіи получаютъ характеръ терминовъ, напримѣръ, a, o, e, i служатъ обозначеніемъ количества и качества сужденій etc. Парафраза Пселла на De interpretatione издана въ Венеціи Альдомъ въ 1503 году, въ прибавленіе къ Аммонію.

Вліяніе арабовъ на логику было инаго характера; византійская логика проникла въ школу, арабская литература усилила изученіе и комментированіе Аристотеля. У арабовъ мы встрѣчаемъ также комментаріи на De interpretatione, такъ у Альфараби, у Аверроэса [1])

---

[1]) Vide: *Renan*. Averroes et l'Averroisme. Paris. 1852. 8°.

главнѣйшаго представителя арабской философіи; но по содержанію эти комментаріи представляютъ мало замѣчательнаго. Однако Expositio Аверроэса пріобрѣло такую славу, что печаталось одновременно съ латинскими переводами Аристотеля. Напримѣръ, см. изданія Opera Aristotelis въ Венеціи въ 1550 г. Упомянемъ еще о Леви-бенъ Герсонѣ (Magister Leo), жившемъ къ серединѣ XIV столѣтія, комментаріи коего на Аристотеля, и въ особенности на De interpretatione, имѣли значеніе, ибо ими пользовались латинскіе писатели. Самъ же магистеръ Лео слѣдовалъ во всемъ за Авверοэсомъ [1]). Но самый важный фактъ въ исторіи XIII вѣка, это появленіе всѣхъ Аристотелевыхъ сочиненій, хотя въ латинскихъ переводахъ [2]). Въ числѣ переводовъ отмѣтимъ новый переводъ Органона, который Антоли въ 1232 году переслалъ Фридриху II. За два года до того появились переводы Аристотеля, сдѣланные Михаиломъ Скоттомъ, а между 1260—1270 годами появился новый переводъ всѣхъ сочиненій Аристотеля, сдѣланный по иниціативѣ Өомы Аквината.

Первый писатель, на которомъ можно прослѣдить вліяніе Пселла, Вильгельмъ Ширсвудъ (Shyreswoud), † 1249, имя котораго впервые упомянулъ въ исторіи логики Прантль (III, стр. 11 и слѣд.). Его современникъ, который по годамъ не многимъ старше Петра Испанскаго, Ламбертъ изъ Оксерра, пользовался также учебникомъ Пселла въ своей Summa logicae. Его Summa не напечатана. Орео говоритъ, что два манускрипта этого сочиненія хранятся въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ [3]). Въ этомъ учебникѣ, конечно, De interpretatione изложено тоже и при томъ, по словамъ Орео, съ большою ясностью.

Обратимся теперь къ Альберту Великому. Онъ въ своемъ комментаріи къ Органону пользовался арабскими источниками. Въ дѣленіи философіи онъ дословно слѣдуетъ за Авиценою. Арабами же онъ пользовался при объясненіи De interpretatione, которая у него раздѣлена на двѣ книги; къ арабскимъ комментаріямъ онъ присоединялъ еще и Боэція.

Знаменитому ученику Альберта, Өомѣ Аквинскому, принадлежатъ многія логическія сочиненія; но еще въ точности не отдѣлены подлинныя его произведенія отъ подложныхъ; къ числу настоящихъ при-

---

[1]) Vide: *Munk.* Dictionnaire philos. éd. Frank. u Melanges de philosophie juive et arabe. Paris. 1859.

[2]) Vide: *Jourdain.* Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines d'Aristote. Paris. 1843. 2 édit.

[3]) *Hauréau.* Histoire de la philosophie scholastique. II, p. 188. Paris. 1880.

надлежитъ не оконченный комментарій на De interpretatione. Комментарій этотъ ничѣмъ особеннымъ не отличается; Ѳома въ большинствѣ случаевъ придерживается объясненій своего учителя, присоединяя къ нимъ замѣчанія Апулея или Августина, или даже Авверозса. Въ отдѣльномъ сочиненіи De propositionibus modalibus Ѳома излагаетъ ученіе о модальныхъ сужденіяхъ, согласно съ взглядами византійской логики (Ширсвуда и др.). Если Ѳома пользуется византійскою логикой только въ отдѣльномъ случаѣ, то великій противникъ его Дунсъ Скотъ, напротивъ того, (въ сочиненіи Super perihermenias) всегда сознательно пользуется византійскою логикой, полемизируя съ современными ему читателями.

Знаменитый Вильгельмъ Оккамскій († 1347), какъ показалъ Прантль [1]), положилъ въ основу своего изложенія византійскую логику. Въ его Expositio aurea Super artem veterem (Bononiae. 1496) содержится комментарій на Порфирія, Категоріи и De interpretatione, при чемъ анализъ Аристотелева сочиненія очень полный и обстоятельный; въ другомъ же своемъ сочиненіи, Summa totius logicae онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ Аристотелеву книгу объ истолкованіи и излагаетъ прямо византійскую логику.

Литература, слѣдовавшая за Оккамомъ, принадлежитъ къ числу самой ужасной, скучной; въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣковъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ все же былъ видѣнъ философскій интересъ (напримѣръ, разсматривался вопросъ о principium individuationis). Съ середины XIV вѣка дѣло измѣняется къ худшему; вмѣсто сколько-нибудь оригинальныхъ сочиненій появляется масса учебниковъ. Даже чтеніе и комментированіе логическихъ сочиненій Аристотеля уступило мѣсто византійской логикѣ, которая господствовала до середины XV столѣтія. Мы назовемъ лишь нѣсколько именъ: Марсилій изъ Ингена (Inghen, † 1396) написалъ комментарій на Петра Ломбардскаго; онъ же написалъ сочиненіе Quaestiones къ de interpretatione, которое затеряно [2]). Онъ принадлежалъ по направленію къ школѣ Оккама. Кульминаціоннаго пункта схоластическая логика достигла въ лицѣ Павла Венетскаго (Paulus Venetus, † 1428). Онъ писалъ комментаріи не только къ логическимъ сочиненіямъ Аристотеля, но и къ другимъ его сочиненіямъ.

Въ эпоху Возрожденія схоластическая логика подверглась корен-

---

[1]) *Prantl.* Logik, III, 328.
[2]) *Prantl.* Logik, IV. 94.

ному преобразованію; это преобразованіе могло выразиться въ двоякой формѣ: могли желать возвратиться къ чистому Аристотелеву ученію, то-есть, къ устраненію византійской логики, или же могли желать вообще пересоздать логику и создать новое логическое ученіе; съ тѣмъ и другимъ направленіями встрѣчаемся мы въ концѣ XV и въ XVI столѣтіи. При дворѣ Медичи стали заниматься Платономъ. На яростное нападеніе Георгія Трапезундскаго на Платона отвѣчалъ Гемистій Плетонъ знаменитою книгою De Platonis et Aristotelis philosophiae differentia, а Виссаріонъ книгою In calumniatorem Platonis. Гемистію Плетону отвѣчалъ Схоларій.

Благодаря этимъ книгамъ, оживился интересъ къ Платону и Аристотелю, и ихъ вновь стали изучать. Схоларій написалъ комментарій на весь Органонъ Аристотеля на греческомъ языкѣ; этотъ комментарій еще не изданъ. Особенно рѣзкой критикѣ подвергли схоластическую логику и вообще схоластическую науку Леонардо Аретино, Лаврентій Валла и др. Изъ писателей, комментировавшихъ De interpretatione, упомянемъ: 1) Георгія Брюссельскаго (Georgeus Bruxellensis), который понималъ логику въ духѣ Скота (то-есть, полагалъ, что предметъ логики есть ученіе о доказательствѣ) и Оккама (то-есть, что логика—практическая дисциплина); 2) Іоаннъ Верзоръ († 1480), писавшій скучнѣйшіе комментаріи на всѣ главнѣйшія сочиненія Аристотеля (и на весь Органонъ) въ духѣ Ѳомы Аквината; 3) Іоаннъ Гейнлинъ или Іоаннъ а Лапиде (a Lapide, † 1494), писавшій комментарій на весь Органонъ, и 4) Іоаннъ Дуллардъ (Dullaert изъ Гента: Textus Perihermeniarum Aristotelis, Ioanne Argiropilo Bizantio traductore: una cum litterali expositione et luculentissimis questionibus eruditi quondam viri Ioannis Dullaert. Gandavi. Paris. 1519. 1°).

Число послѣдователей Аристотеля въ XVI вѣкѣ чрезвычайно велико, но интересъ къ его чисто логическимъ сочиненіямъ ослабъ. Поэтому комментируются по преимуществу его физическія и метафизическія сочиненія, а не логическія. Упомянемъ еще о двухъ извѣстныхъ писателяхъ, которые сочиняли комментаріи и на Органонъ: Рудольфъ Гокленій—Isagoge in Organon Aristotelis. Francf. 1598 и Михаилъ Пикгардъ изъ Нюрнберга (1574—1626), написавшій Introductio in Organon Aristotelis. Altd. 1625. Для полноты перечисленія назовемъ еще слѣдующихъ комментаторовъ Аристотелева De interpretatione:

Laurentianus Florentinus in Librum Aristotelis de elocutione. Venetia. 1500.

Ioannis Parreundt. Aristotelis de Interpretatione libri duo, latine cum exercitationibus Parreundi. Norimberg. 1502.

Arnold Wistefeldes. Aristoteles Stagirite. Liber peri hermenias. 1506.

Aristotelis liber de Interpretatione, latine cum Ioannis Arborei Laudunensis Commentariis. Paris. 1542.

Cum commentario Aug. Niphi. Venetiis. 1547.

Aristotelis de Interpretatione liber latine Joach. Perionio interprete, per Nic. Gruchium correctus. Lutetiae. 1555.

Наконецъ, упомянемъ и знаменитаго Цабареллу, который написалъ подробный комментарій лишь на Аналитику, но составилъ таблицы ко всей логикѣ, между прочимъ и tabulae in librum de interpretatione, въ которыхъ подробно анализировано содержаніе Аристотелева сочиненія (Zabarella. Tabulae logicae. Lugduni. 1587).

Въ XVI вѣкѣ философіей Аристотеля много занимались и часто издавали его сочиненія, но вслѣдъ затѣмъ занятіе Аристотелемъ прекращается вплоть до второй половины XIX вѣка [1]), и это очень естественно: въ XVII вѣкѣ положены основы современной науки; этотъ догматическій вѣкъ, освободившійся отъ гнета Аристотеля и схоластики, конечно, не сталъ вновь имъ заниматься; XVIII же вѣкъ извѣстенъ тѣмъ, что въ немъ отсутствовала историческая точка зрѣнія; онъ не интересовался и не зналъ исторіи, поэтому искать работъ объ Аристотелѣ, относящихся къ этому періоду, было бы напраснымъ трудомъ.

Только въ монастыряхъ продолжали комментировать Аристотеля въ старомъ схоластическомъ духѣ. Къ такимъ комментаріямъ относятся и Commentarii Collegii Coimbricensis societate Jesu [2]) (въ Коимбріи, въ Португаліи); тутъ мы находимъ и комментарій in Aristotelis librum de interpretatione, въ духѣ Ѳомы Аквинскаго.

Въ своемъ извѣстномъ комментаріи Францискъ Толетскій (Commentaria in universam Aristotelis logicam. Colon. 1616. 8°), пользовался переводомъ и объясненіями Боэція. Упомянемъ еще Samuelis de Lublino: in universam Aristotelis Logicam. Coloniae. 1620. 8°.

Переходя къ XIX столѣтію, въ которомъ интересъ къ исторіи

---

[1]) *Christ*. Geschichte d. griechieschen Litteratur въ J. Müller Handbuch d. Alterthumswissenschaft, стр. 374... dann erkaltete das Studium der Philosophen, bis dasselbe in XIX Jahrhunderte durch Trendellenburg, Spengel vom neuen wieder belebt wurde.

[2]) V. de *Hoffmann*. Bibliographisches Lexicon d. gesammten Litteratur d. Griechen. Leipzig. 1838. I т.

возрастаетъ, мы находимъ, что Аристотелю особенно посчастливилось, но нельзя сказать того же объ изслѣдуемомъ нами сочиненіи. Спеціальныхъ изслѣдованій о De interpretatione очень немного, и это вполнѣ понятно, ибо содержаніе этой книги вошло по большей части въ учебники логики; дѣйствительный же интересъ представляютъ лишь нѣкоторыя главы, особенно тѣ, въ которыхъ логическія понятія приводятся въ связь съ метафизическими.

Интересъ къ Аристотелю возросъ частью подъ вліяніемъ общихъ причинъ, частью же благодаря усиленію католической философіи и изученію Ѳомы Аквината. Папа Левъ XIII указалъ католическому міру на важность изученія Ѳомы Аквината (а вмѣстѣ съ тѣмъ и Аристотеля), и за послѣднія 10 лѣтъ изъ католическаго лагеря вышло много замѣчательныхъ трудовъ объ Аристотелѣ, одинъ изъ которыхъ имѣетъ особенную важность: Talamo. L'aristotelismo della scolastica nella storia della filosofia. 3 edit. Siena. 1881. 8°.

Упомянемъ о новѣйшей литературѣ о De interpretatione. Само собою разумѣется, что это сочиненіе не проходятъ молчаніемъ въ исторіяхъ философіи; напримѣръ, у Целлера мы находимъ изложеніе содержанія и анализъ нѣкоторыхъ ученій. Подробнѣе и лучше это сдѣлано у Грота въ его неоконченномъ трудѣ Aristotle 1872 г., который изданъ Бэномъ и Робертсономъ. Гротомъ мы пользовались неоднократно при нашемъ переводѣ.

Въ 1839 году Гумпошъ написалъ статью о логикѣ и логическихъ сочиненіяхъ Аристотеля, которой намъ не удалось видѣть (Gumposch. Ueber d. Logik und d. Logischen Schriften d. Aristoteles. 1839); послѣ Гумпоша писали: Текcторъ (Textor). De hermeniae Aristotelae capitib. IX. Berol. 1870. Guggenheim. In librum Aristotelis De interpretatione. Berlin. 1886 и Michelis. Aristotelis peri hermenias. Heridelberg. 1886.

Текстъ, положенный въ основу перевода, изданъ Тейбнеромъ, но мы пользовались также изданіемъ Вайца и примѣчаніями послѣдняго.

Въ своемъ сочиненіи „объ истолкованіи" Аристотель говоритъ не столько о рѣчи вообще, сколько о сужденіи, такимъ образомъ этотъ трактатъ имѣетъ по преимуществу логическій характеръ, но встрѣчаются въ немъ и замѣчанія метафизическаго характера: такъ по поводу закона противорѣчія Аристотель заговариваетъ о свободѣ воли; по поводу модальныхъ сужденій онъ трактуетъ о первой сущности. Кромѣ логическихъ и метафизическихъ вопросовъ встрѣчаются

и грамматическіе. Нужно замѣтить, что многія особенности рѣчи, о которыхъ говоритъ Аристотель, представляютъ собой такое сочетаніе словъ, которое по духу русскаго языка вовсе не допустимо; переводъ такихъ мѣстъ представляетъ чрезвычайныя трудности.

Большая часть сочиненій „объ истолкованіи" входитъ въ составъ учебниковъ формальной логики, въ главу о сужденіи; ни одна современная намъ логика однако не опредѣляетъ съ подобнымъ стараніемъ всевозможныя логическія противорѣчія и противоположности; опускаются, конечно, и метафизическія соображенія. Изъ четырехъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ Кантъ разсматриваетъ сужденія (количество, качество, модальность и отношеніе), три первыхъ полностью встрѣчаются у Аристотеля; правда, что модальность въ смыслѣ Аристотеля не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что теперь разумѣютъ, говоря объ этомъ понятіи, ибо Аристотель говоритъ не объ одной лишь субъективной сторонѣ, о степени увѣренности, но и объ объективныхъ свойствахъ предметовъ.

Попробуемъ дать краткій отчетъ о содержаніи Аристотелева сочиненія, при чемъ мы воспользуемся указаніями Грота [1]), Бизе [2]) и Прантля [3]).

Главное вниманіе Аристотеля обращено на выясненіе закона противорѣчія, который признается философомъ за высшій научный принципъ. Высшій принципъ, говоритъ Аристотель (въ метафизикѣ IV кн. гл. 3) долженъ быть вполнѣ понятенъ, очевиденъ и свободенъ отъ всякихъ предположеній: таковъ принципъ противорѣчій. Всякое доказательство въ концѣ концовъ покоится на этомъ принципѣ, который является основою всѣхъ остальныхъ аксіомъ. Выясненіе этого принципа требуетъ анализа сужденія, вотъ почему приходится начинать съ перечисленія составныхъ частей и видовъ сужденія. Весь трактатъ распадается на три части: въ первой (глава I—IV) говорится о составныхъ частяхъ сужденія, во-второй (глава V—XI) дается опредѣленіе предложенія, разбираются виды его, опредѣляются противорѣчивыя и противоположныя сужденія и, наконецъ, говорится объ отношеніи подлежащаго сужденія къ признаку, третья часть (XII—XIII глава) подробно разсматриваетъ модальность сужденій; наконецъ, 14-ю главу мы считаемъ не принадлежащей къ составу сочиненія, а позднѣйшей прибавкой, мнѣніе, раздѣляемое многими изслѣдовате-

---

[1]) *Grote.* Aristotle. I, стр. 155—199.
[2]) *Biese.* Aristoteles. Berlin. 1835.
[3]) *Prantl.* Geschichte d. Logik. I, стр. 140—182.

лями (напримѣръ, Целлеромъ), но оспариваемое Вайцомъ [1]) и Михелисомъ [2]).

Слова, говоритъ Аристотель, суть символы представленій, подобно тому, какъ письмена символы словъ. Слова и письмена мѣняются, а представленія и предметы, которые отражаются въ словахъ, остаются неизмѣнными, благодаря чему представленія служатъ основой и опорой логическому мышленію; какъ представленія, такъ и слова, взятыя въ отдѣльности, не имѣютъ никакого отношенія къ истинѣ; слова простыя и сложныя обозначаютъ нѣчто, но до тѣхъ поръ, пока не говорится, существуетъ ли это нѣчто, или не существуетъ, до тѣхъ поръ нѣтъ сужденія.

Такимъ образомъ въ составъ сужденія должны входить разнородные элементы, а именно: имя и глаголъ; у Аристотеля мы не находимъ еще строгаго различенія между глаголомъ, сказуемымъ и связкою, оттого нѣтъ и утвержденія, что сужденіе должно состоять изъ трехъ элементовъ. Имя Аристотель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: оно есть слово съ условнымъ значеніемъ, безъ отношенія ко времени; части слова сами по себѣ не имѣютъ значенія. Это опредѣленіе, по замѣчанію Бизе, направлено, можетъ быть, противъ Платона, который въ діалогѣ Кратилъ говоритъ, что слова должны быть полнымъ выраженіемъ мысли и отраженіемъ предмета, такъ что соотвѣтствіе предмета и слова должно быть видно изъ частей слова, то-есть, эти части должны имѣть самостоятельное значеніе. Свое опредѣленіе имени Аристотель распространяетъ и на сложныя имена.

Разсмотрѣвъ неопредѣленное имя и падежи имени, Аристотель переходитъ къ глаголу, который, подобно имени, обозначаетъ представленіе, но имѣетъ, въ отличіе отъ имени, отношеніе ко времени и относится всегда къ чему либо иному, то-есть самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Неопредѣленнымъ глаголомъ называется соединеніе отрицанія съ глаголомъ, подобно тому какъ имя въ соединеніи съ отрицаніемъ называется неопредѣленнымъ именемъ.

Соединеніе глагола и имени образуетъ предложеніе, сужденіе, рѣчь, служащую для выраженія мысли. Не всѣ выраженія разсматриваются Аристотелемъ, ибо нѣкоторыя умѣстнѣе разсматривать въ риторикѣ или піитикѣ. Здѣсь разсматриваются лишь тѣ выраженія которыя логика называетъ сужденіемъ (λόγος ἀποφαντικός).

---

[1]) *Waitz.* Organon. Lipsiae.

[2]) *Michelis.* Aristoteles περὶ Ἑρμηνείας. Heidelberg. 1886.

Вторая часть начинается съ того, что Аристотель (глава 5) ограничиваетъ свой предметъ, опредѣляя, въ чемъ заключается единство сужденія, и перечисляетъ различные виды сужденій, которыя бываютъ простыми и сложными. Сложныя образуются отъ соединенія простыхъ, простыя же бываютъ утвердительными или отрицательными. Въ утвержденіи два содержанія сознанія соединяются въ одно цѣлое но они могутъ быть разъединены; въ отрицаніи же разъединяются два содержанія, которыя могли бы быть соединенными, поэтому все то, что утверждается, можетъ быть и отрицаемо. Всякому утвержденію противустоитъ отрицаніе, и наоборотъ, и это отношеніе отрицанія къ утвержденію называется противорѣчіемъ (ἀντίφασις). Но противорѣчіе имѣетъ мѣсто лишь тогда, замѣчаетъ Аристотель, имѣя въ виду софистовъ, когда въ обоихъ сужденіяхъ, то-есть, въ утвержденіи и въ отрицаніи, дѣйствительно одно и тоже подлежащее и сказуемое. Мы должны различать двоякое противорѣчіе и противоположность, при чемъ въ опредѣленіи этого различія слѣдуетъ имѣть въ виду и то, касается ли подлежащее сужденія отдѣльнаго предмета или нѣсколькихъ предметовъ, то-есть, имѣемъ ли мы дѣло съ единичнымъ или съ общимъ сужденіемъ. Общеутвердительное сужденіе стоитъ къ общеотрицательному въ отношеніи (ἐναντίαι αἱ ἀποφάνσεις) противуположности, напримѣръ, omnis homo est albus и nullus homo est albus, въ то время какъ общеутвердительное противорѣчитъ частноотрицательному, и частноутвердительное противорѣчитъ общеотрицательному; напримѣръ, Non omnis homo albus и omnis homo est albus; Nullus homo est albus и est aliquis homo est albus. Оба противоположныя сужденія не могутъ быть одновременно истинными, но могутъ быть одновременно ложными. Изъ противорѣчащихъ сужденій одно должно быть истиннымъ, а другое ложнымъ. Однако въ томъ случаѣ, когда въ общемъ сужденіи подлежащее выражено неопредѣленно (напримѣръ, „не всякій“), а противорѣчащее ему есть сужденіе частноутвердительное, въ этомъ случаѣ оба сужденія могутъ быть истинными. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что каждому отдѣльному сужденію, будь оно утвердительнымъ или отрицательнымъ, противорѣчитъ одно опредѣленное же сужденіе.

(9) Но въ законѣ противорѣчія нужно имѣть въ виду время. Этотъ законъ имѣетъ несомнѣнное примѣненіе къ прошедшему и настоящему, но справедливъ-ли онъ и относительно будущаго, то-есть, справедливо-ли, что изъ двухъ противорѣчивыхъ сужденій только одно и въ будущемъ должно быть истиннымъ? Если допустить послѣднее, то

нужно исключить случай и утверждать, что все совершается по необходимости, но въ такомъ случаѣ придется отрицать свободу воли. Этого допустить нельзя, ибо многое зависитъ отъ нашей воли [1]) и сверхъ того возможность имѣетъ объективное значеніе. Возможность въ системѣ Аристотеля имѣетъ большое значеніе, и онъ скорѣе согласенъ ограничить законъ противорѣчія, чѣмъ объективный смыслъ возможности. Гротъ справедливо указываетъ (Aristotle I, 164—165) на то, что это ученіе обосновано физикой Аристотеля, въ которой онъ различаетъ необходимые ряды явленій природы отъ случайныхъ: но ежели это логическое ученіе единственно обосновано физическимъ, то съ сознаніемъ ложности физическаго, должно упасть и логическое различеніе.

(10) Отъ общаго разсмотрѣнія противорѣчія и противуположности Аристотель переходитъ къ ближайшему и болѣе подробному разсмотрѣнію на отдѣльныхъ видахъ сужденій. Простое (категорическое) сужденіе можетъ состоять изъ имени и глагола или изъ неопредѣленнаго имени и глагола. Простѣйшія утвердительныя съ противорѣчащими имъ отрицательными сужденіями суть:

est homo—non est homo
est non homo—non est non homo
est omnis homo—non est omnis homo
est omnis non homo—non est omnis non homo.

Если взять болѣе сложное сужденіе, въ которомъ, кромѣ имени и глагола „существуетъ", есть еще и опредѣляющее прилагательное [2]), тогда противоположеніе сужденій получится болѣе сложное, ибо отрицаніе можетъ относиться равномѣрно, какъ къ субъекту, такъ и къ опредѣляющему прилагательному, благодаря чему получаются четыре пары сужденій и столько же имъ противорѣчащихъ:

(a) est justus homo—(b) non est justus homo—(d) non est non justus homo—(c) est non justus homo, при чемъ (b) есть отрицаніе (a), а (d) есть отрицаніе (c), затѣмъ (b) есть слѣдствіе (c), въ то время какъ (d) есть слѣдствіе (a), но не наоборотъ; въ зависимости отъ этого

---

[1]) Очень любопытно сравнить замѣчанія Аристотеля о свободѣ воли, высказанныя въ Этикѣ III кн. гл. I—VIII, съ тѣмъ, что онъ говоритъ здѣсь.

[2]) Это различіе у схоластовъ обозначалось терминомъ: enuntiationes secundi et tertii adjacentis.

стоитъ и истинность и ложность этихъ сужденій, то-есть, если (c) истинно, то и (b) должно быть истинно и т. д.

Если подлежащимъ сужденія, взамѣнъ положительнаго, будетъ отрицаніе „не человѣкъ", то получатся четыре новыхъ противорѣчивыхъ сужденія:

(e) est justus non homo—(f) non est justus non homo—(h) non est non justus non homo—(g) est non justus non homo, отношеніе ихъ между собой таково, что ежели истинно сужденіе (g), то и (f) должно быть истиннымъ, но не наоборотъ, и если истинно сужденіе (e), то и (h) должно быть истиннымъ, но не наоборотъ.

До сихъ поръ мы перечислили отношенія тѣхъ сужденій, въ которыхъ количество осталось неопредѣленнымъ.. Эти же сужденія могутъ быть выражены и въ общей формѣ, тогда получатся новыхъ 8 сужденій, изъ коихъ въ четырехъ подлежащимъ будетъ положительное понятіе, а въ другихъ четырехъ отрицательное (неопредѣленное).

A) omnis est homo justus—(B) non omnis est homo justus.

D) Non omnis est homo non justus—(C) omnis est homo non justus.

Отношеніе ихъ таково: ежели (C) истинно, то и (B) истинно, но не наоборотъ, ежели (A) истинно, то и (D) истинно, но не наоборотъ. Сверхъ того (A) и (C) могутъ быть одновременно истинными.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, касающихся вопросительнаго сужденія, Аристотель говоритъ о единствѣ сужденія: ежели опредѣляющихъ прилагательныхъ нѣсколько, и они относятся не къ самой сути сужденія, то мы имѣемъ дѣло и съ нѣсколькими предложеніями. Конечно, какъ подлежащее, такъ и сказуемое могутъ состоять болѣе, чѣмъ изъ одного слова каждое, но тогда эти нѣсколько словъ должны образовывать внутреннее единство. То же самое слѣдуетъ замѣтить и относительно діалектическаго вопроса [1]), который иногда представляется въ формѣ предложенія, заключающаго въ себѣ противоположеніе; если вопросъ предлагается не въ формѣ одного предложенія, тогда на него нельзя найти простаго отвѣта.

Всѣ замѣчанія, дѣлаемыя здѣсь Аристотелемъ, направлены противъ софистовъ, которые любили задавать діалектическіе вопросы [2]); такого же характера и слѣдующее замѣчаніе: нельзя думать, что качества истинныя въ отдѣльности остаются истинными, когда они сое-

---

[1]) Смотри: Anal. pr. c. 25 и c. 32, а также и I, 1.

[2]) Vide: Soph. elench. cap. 6 и 30.

динены въ одномъ предложеніи, напримѣръ. нѣкто хорошъ, нѣкто сапожникъ, отнюдь не слѣдуетъ, что онъ хорошій сапожникъ.

Послѣ этого въ третьей части Аристотель переходитъ къ разсмотрѣнію модальныхъ сужденій. которыя получили таковое названіе у комментаторовъ Аристотеля, (αἱ ἀποφάνσεις μετὰ τρόπου, enuntiationes modales) и старается и въ этихъ сужденіяхъ найти противорѣчащія и противоположныя.

Ранѣе всего Аристотель разсматриваетъ положеніе отрицанія въ модальныхъ сужденіяхъ, противорѣчащихъ другъ другу. При этомъ Аристотель разсматриваетъ двоякую возможность: физическую и логическую (допустимость); вмѣсто двухъ модальныхъ категорій современнаго логическаго ученія: возможности и необходимости (дѣйствительность Аристотель здѣсь не разсматриваетъ), онъ говоритъ о четырехъ: о возможности, допустимости, невозможности и необходимости. Опредѣливъ противорѣчащую имъ модальность, Аристотель строитъ таблицу изъ восьми положительныхъ и восьми отрицательныхъ модальностей.

возможно—невозможно
допустимо—недопустимо
не невозможно—невозможно
не необходимо—необходимо, чтобы не...
возможно, что не...—не невозможно, чтобы не...
допустимо, что не...—недопустимо, чтобы не...
не невозможно, что не...—невозможно, чтобы не...
не необходимо, чтобы не...—необходимо.

Отрицаніе и утвержденіе относятся къ слову, выражающему модальность, а не къ глаголу, выражающему бытіе; напримѣръ, если въ утвержденіи мы говоримъ что „что-либо возможно", то отрицаніе выражаетъ „что-либо не возможно"; напротивъ того, слова „можетъ не быть" выражаютъ утвержденіе, коему противорѣчитъ „не можетъ не быть". Въ таблицѣ, которую мы привели, выраженія, стоящія съ одной стороны, по словамъ Аристотеля, слѣдуютъ другъ за другомъ (ἕπεσθαι) и обмѣниваются (ἀποστρέφεσθαι), то-есть имѣютъ одинаковое значеніе. Въ этой главѣ Аристотель отступаетъ отъ чисто логической точки зрѣнія и разсматриваетъ возможность и дѣйствительность не только какъ различныя выраженія, но по ихъ объективному значенію, при чемъ цѣлью его разсмотрѣнія служитъ доказательство, разсмотрѣнное подробнѣе въ 9-й главѣ 9-й книги метафизики, что дѣйствіе и дѣйствительность предшествуютъ возможности, что пер-

все бытіе есть дѣятельная субстанція (οὐσία ἐνέργεια). Онъ различаетъ вещи трехъ порядковъ: первыя сущности суть актуальности внѣ всякой возможности; вторыя сущности, возникшія и преходящія, суть актуальности, которымъ предшествовала возможность, и, наконецъ, третій порядокъ представляетъ собой чистую возможность, никогда не становящуюся дѣйствительностью. Эти различенія, которыя играютъ очень большую роль въ философіи Аристотеля, не вполнѣ вяжутся съ логическими расчлененіями, данными въ „истолкованіи".

Послѣдняя глава (14) признается лучшими изслѣдователями (Целлеромъ, Гротомъ) неподлинной; она стоитъ въ противорѣчіи частью съ тѣмъ, что говорится въ самомъ сочиненіи объ истолкованіи, частью же съ главами 10 и 11 категорій, и съ главой 4-ой книги Метафизики.

Итакъ ученіе о противорѣчіи и противоположности категоричныхъ сужденій составляетъ центральный пунктъ всего сочиненія. По началу сочиненія можно было ожидать болѣе всесторонняго изслѣдованія сужденій. Эта неполнота изслѣдованія и нарушеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плана или естественнаго хода развитія мысли заставляетъ думать, что мы имѣемъ предъ собой неоконченное авторомъ произведеніе, или же, что до насъ дошла лишь часть цѣлаго сочиненія. Уже древніе комментаторы замѣтили, что разсужденія объ единствѣ сужденія прерываютъ систематичное изложеніе о противорѣчіи и противоположности. Ясно также, что послѣдняя глава, ежели ее признать подлинною, должна быть помѣщена не въ концѣ сочиненія, а послѣ разсужденія о противорѣчіи и противоположности.

---

§ 1 [1]).

Указывается необходимость опредѣленія имени и глагола, утвержденія и отрицанія, сужденія и предложенія.—Отношеніе рѣчи къ мысли.—Истина и ложь какъ въ мысляхъ, такъ и въ рѣчи, заключается въ связи элементовъ мысли, а не въ отдѣльныхъ элементахъ.

1. Прежде всего нужно опредѣлить, что̀ такое имя и что̀ гла-

---

[1]) Названіе ἑρμηνεία, interpretatio, истолкованіе (diction, rednerischer Stil) обозначаетъ внѣшніе знаки, коими выражаются душевныя состоянія; самое сочиненіе состоитъ въ анализѣ сужденія и его элементовъ; анализъ ведется болѣе съ грамматической точки зрѣнія. Боэцій о заглавіи говоритъ: Interpretatio est vox significativa per se ipsam aliquid significans, а Ѳома Аквинатъ замѣчаетъ: Nomen et verbum magis interpretationis principia esse videtur quam interpretatio

голъ [1]), потомъ что̀ такое отрицаніе и утвержденіе, сужденіе и предложеніе.

2. Слова, выраженныя звуками, суть символы представленій въ душѣ [душевныя состоянія] [2]), а письмена—символы словъ.

3. Подобно тому, какъ письмена не одни и тѣ же у всѣхъ людей, такъ и слова не одни и тѣ же. Но представленія, находящіяся въ душѣ, которыхъ непосредственные знаки суть слова, у всѣхъ одни и тѣ же, точно также и предметы, отраженіемъ которыхъ являются представленія, одни и тѣ же. Но объ этомъ говорено въ сочиненіи о душѣ [3]), ибо это относится къ другой наукѣ [4]).

4. Подобно тому, какъ мысль иной разъ появляется въ душѣ безъ отношенія къ истинѣ или лжи, другой разъ такъ, что она необходимо должна быть однимъ изъ двухъ, точно также и слова, ибо истина и ложь состоятъ въ соединеніи и раздѣленіи.

5. Имена же сами по себѣ и глаголы подобны мысли [представленію] безъ соединенія или разъединенія, напримѣръ, „человѣкъ" или „бѣлое"; пока ничего не прибавляется, такое слово не ложно и не истинно, хотя и обозначаетъ нѣчто; вѣдь слово „олень-козелъ" тоже обозначаетъ нѣчто, но оно до тѣхъ поръ не истинно или ложно, пока не присоединено къ нему существованіе или несуществованіе, притомъ безусловное или же временное.

§ 2.

Опредѣленіе имени. — Части имени, простыя или сложныя, сами по себѣ ничего не обозначаютъ. — Имя, соединенное съ отрицаніемъ, не есть имя. — Падежи имени отличаются тѣмъ отъ имени, что въ соединеніи съ глаголомъ „быть" не выражаютъ ни истины, ни лжи.

1. Имя есть слово съ условнымъ значеніемъ безъ отношенія ко времени, отдѣльная часть котораго [имени] ничего не обозначаетъ [5]

2. Въ „красиво-лошадь" слово лошадь само по себѣ ничего не значитъ, не такъ какъ въ предложеніи: красивая лошадь. Однако,

---

[1]) О связкѣ (есть, суть) и имени прилагательномъ говорится позднѣе, въ главѣ 3.

[2]) Слова, помѣщаемыя въ большихъ скобкахъ, принадлежатъ переводчику.

[3]) Vide. De anima. III. § 6.

[4]) Аристотель въ 1-й главѣ касается вопросовъ, разсмотрѣнныхъ ранѣе въ Кратилѣ Платона.

[5]) Въ составъ опредѣленія имени входитъ у Аристотеля троякое: условность его значенія, безсмысленность частей и безотносительность ко времени.

въ сложныхъ именахъ дѣло обстоитъ не такъ, какъ въ простыхъ, ибо въ этихъ ни одна часть не имѣетъ значенія, а въ тѣхъ [каждая часть] имѣетъ желаніе [значить], но въ отдѣльности все же не имѣетъ значенія, такъ, напримѣръ, въ словѣ „лодка-корабль" корабль ничего не обозначаетъ самъ по себѣ.

3. Отъ природы нѣтъ именъ; они получаютъ условное значеніе, когда становятся символомъ, ибо вѣдь и нечленораздѣльные звуки поясняютъ собою нѣчто, какъ напримѣръ, у животныхъ, хотя ни одно изъ животныхъ не имѣетъ рѣчи.

4. „Не-человѣкъ" не есть имя; нѣтъ такого имени, которое могло бы это обозначать, ибо это не есть ни понятіе, ни отрицаніе. Пусть оно называется неопредѣленнымъ именемъ, потому что оно примѣнимо къ чему угодно, какъ къ существующему, такъ и къ несуществующему.

5. Филона-же, или Филону и тому подобныя выраженія не суть имена, а падежи имени. Понятіе же въ этомъ случаѣ остается тѣмъ же самымъ, только что падежи въ соединеніи съ глаголомъ „есть" или „было" или „будетъ" не содержатъ истины или лжи, имя же всегда содержитъ: напримѣръ, выраженія „Филона есть" или „Филона нѣтъ" [1]) никогда не содержатъ ни истину, ни ложь.

§ 3.

Опредѣленіе глагола.—Глаголъ въ соединеніи съ отрицаніемъ не есть глаголъ, и не падежъ глагола.—Глаголъ, взятый самъ по себѣ, есть имя, и онъ не обозначаетъ истины или лжи внѣ связи съ именами.

1. Глаголъ есть слово, обозначающее время, часть этого слова въ отдѣльности не имѣетъ значенія и служитъ всегда обозначеніемъ для инаго сказаннаго [2]).

2. Итакъ, я говорю, что глаголъ обозначаетъ еще и время: напримѣръ, „здоровье" есть имя, а „онъ здоровъ" есть глаголъ, ибо имъ обозначается присутствіе [признака] въ настоящемъ времени.

3. Далѣе глаголъ служитъ всегда признакомъ другаго чего либо сказаннаго, напримѣръ, подлежащаго или того, что въ подлежащемъ [3]).

---

[1]) Этотъ примѣръ для русскаго языка не годится, такъ какъ отрицаніе требуетъ родительнаго падежа. Аристотель хочетъ сказать, что опредѣляемое (подлежащее) всегда должно быть въ именительномъ падежѣ.

[2]) Аристотель называетъ три признака глагола: имъ обозначается время; части глагола не имѣютъ самостоятельнаго значенія и глаголъ обозначаетъ собой нѣчто не самостоятельное, а приписываемое иному чему-либо.

[3]) Это различіе разъяснено во второй главѣ Категорій.

4. Напротивъ того [выраженіе] „онъ нездоровъ“, или „онъ не боленъ“, я не называю глаголомъ, хотя и оно [это выраженіе] обозначаетъ время и всегда относится къ чему либо; для этого различія нѣтъ названія; назовемъ его неопредѣленнымъ глаголомъ, такъ какъ онъ можетъ одинаковымъ образомъ относиться ко всему, какъ къ существующему, такъ и къ несуществующему.

5. Подобнымъ же образомъ „онъ былъ здоровъ“, и „онъ будетъ здоровъ“. не суть глаголы, а падежи глагола и отличаются отъ глагола тѣмъ, что глаголъ обозначаетъ собой настоящее время, а падежи время до и послѣ настоящаго.

6. Если глаголы высказаны сами по себѣ, то они суть имена и обозначаютъ собой нѣчто, ибо говорящій останавливаетъ свою мысль, а слушающій удовлетворенъ; однако они не указываютъ, существуетъ ли это нѣчто или нѣтъ, ибо бытіе или небытіе не суть признаки предмета, даже и тогда, когда скажешь „сущее“ просто, само по себѣ; само по себѣ оно ничто и содержитъ лишь указаніе на извѣстнаго рода соединеніе, которое однако нельзя мыслить безъ соединяемаго [1]).

§ 4.

Опредѣленіе рѣчи. — Въ послѣдующемъ будетъ говорено лишь о сужденіи, а остальные виды рѣчи опущены, ибо относятся къ риторикѣ или піитикѣ.

1. Рѣчь состоитъ изъ словъ, имѣющихъ условное значеніе; въ ней и отдѣльныя части имѣютъ нѣкоторое значеніе; рѣчь есть лишь выраженіе, но не утвержденіе [или отрицаніе], какъ напримѣръ, „человѣкъ“ обозначаетъ нѣчто, но не обозначено, существуетъ ли онъ или нѣтъ; утвержденіе же или отрицаніе получается въ томъ случаѣ, когда прибавить нѣчто.

2. Но отдѣльный слогъ слова „человѣкъ“ не имѣетъ значенія, точно также и въ словѣ „мышь“ слогъ „ышь“ не имѣетъ значенія, а есть только звукъ. Въ двусложныхъ словахъ каждый слогъ нѣчто обозначаетъ, но не самъ по себѣ, какъ объ этомъ было сказано [2]).

3. Всякая рѣчь имѣетъ значеніе, но не по природѣ [3]), а, какъ было сказано, вслѣдствіе соглашенія.

---

[1]) Вайцъ указываетъ на сходство этого ряда мыслей Аристотеля съ началомъ логики Гегеля, но гораздо болѣе общаго имѣютъ эти мысли съ знаменитой критикой онтологическаго доказательства, встрѣчаемой у Канта.

[2]) Въ § 2.

[3]) οὐχ ὡς ὄργανον противополагается тому, что существуетъ κατὰ συνθήκην, по соглашенію, слѣдовательно, можетъ быть приравнено φύσει и переведено по природѣ.

4. Но не всякая рѣчь заключаетъ въ себѣ [сужденіе], а лишь та, въ которой заключается истинность или ложность чего либо, такъ, напримѣръ, „пожеланіе“ есть рѣчь, но не истинная или ложная.

5. Остальные роды рѣчи здѣсь выпущены, ибо изслѣдованіе ихъ болѣе приличествуетъ риторикѣ или піитикѣ, только сужденіе (λόγος ἀποφαντικος) относится къ настоящему разсмотрѣнію.

§ 5.

Сужденіе бываетъ простымъ или сложнымъ. — Сужденіе безъ глагола быть не можетъ.

1. Первичное, единое сужденіе есть утвержденіе, потомъ отрицаніе. Всѣ остальныя сужденія едины благодаря соединенію.

2. Необходимо, чтобы всякое сужденіе заключало въ себѣ глаголъ или падежъ [форму] глагола, ибо выраженіе „человѣкъ“ не есть сужденіе до тѣхъ поръ, пока не присоединено „есть“, или „былъ“, или „будетъ“, или нѣчто подобное.

3. Поэтому-то „животное земное и двуногое“ есть рѣчь единая, а не множественная, ибо не близость высказанныхъ словъ дѣлаетъ рѣчь единою. Но [1]) говорить объ этомъ дѣло другой науки.

4. Сужденіе едино, когда оно обозначаетъ одно, или когда оно едино вслѣдствіе соединенія. Множественны же сужденія, когда они не едины и обозначаютъ многое или не соединены между собою.

5. Одно имя или одинъ глаголъ назовемъ выраженіемъ (φάσις), ибо такимъ способомъ нельзя отвѣтить на вопросъ, нельзя и просто разъяснить, когда самъ что либо произносишь [2]). Къ рѣчамъ же относится, вопервыхъ, простое сужденіе; напримѣръ, когда что либо приписывается чему либо, или отнимается у чего либо; а вовторыхъ, сложное, состоящее изъ простыхъ, какъ напр. сложное предложеніе (λόγος σύνθετος).

6. Итакъ простое сужденіе есть словесное указаніе бытія или небытія чего либо съ различеніемъ времени.

---

[1]) *Waitz* и др. полагаютъ, что Аристотель указываетъ здѣсь на метафизику Z (VII) § 12.

[2]) *Waitz* говоритъ: Sive quis ad quaestionem respondet uno verbo sive sponte sua sententiam proponit. Quae quum facit uno quidem verbo enuntiat quod vult, sed plura sunt quae in isto verbo latent, quia praetermissa intelliguntur.

§ 6.

Сужденіе бываетъ утвердительнымъ или отрицательнымъ. — Всякому утвержденію можетъ быть противопоставлено отрицаніе, уничтожающее утвержденіе.

1. Утвержденіе есть сужденіе, приписывающее что-либо чему-либо.

2. Отрицаніе есть сужденіе, отнимающее что-либо отъ чего-либо.

3. Такъ какъ существующее можетъ быть опредѣлено, какъ несуществующее, и несуществующее, какъ сущее; далѣе, сущее, какъ сущее, и несуществующее, какъ несуществующее, и это можетъ относиться подобнымъ же образомъ къ тому, что внѣ настоящаго времени, то слѣдовательно возможно отрицать все, что кто-либо утверждаетъ, и утверждать все, что кѣмъ-либо отрицается. Отсюда ясно, что всякое утвержденіе имѣетъ себѣ противоположное отрицаніе, и всякое отрицаніе—утвержденіе [1]).

4. Назовемъ противорѣчіемъ тотъ случай, когда утвержденіе и отрицаніе противостоятъ другъ другу.

5. Противоположеніе имѣетъ мѣсто [въ сужденіяхъ] относительно одного и того же предмета и одного и того же отношенія, безъ двусмыслія, и вообще, когда соблюдено все то, что нужно соблюдать въ виду софистическихъ препирательствъ [2]).

§ 7.

Опредѣленіе общаго и частнаго сужденія.—Опредѣленіе сужденій противорѣчащихъ и противоположныхъ. — Противорѣчащія сужденія не могутъ быть одновременно истинными. — Съ противоположными же это возможно. — Изъ двухъ противорѣчащихъ сужденій только одно можетъ быть истиннымъ, другое должно быть ложнымъ. — Противоположные могутъ быть одновременно истинными, ибо неопредѣленное отрицаніе имѣетъ иное значеніе, чѣмъ общее. — Всякому утвержденію можно противопоставить лишь одно отрицаніе.

1. Такъ какъ „предметы“ [3]) бываютъ частью общіе и частью единичные (общимъ я называю то, что можетъ быть приписано мно-

---

[1]) Итакъ, въ этой главѣ Аристотель даетъ общее опредѣленіе противорѣчія, которое состоитъ въ противуположеніи отрицанія утвержденію: cum quis adfirmat, quod alius negat, ipsa utrarumque propositionum pugna contradictio nominatur, говоритъ Боэцій.

[2]) Аристотель точнѣе формулируетъ здѣсь законъ противорѣчія, который разъясняется въ послѣдующихъ главахъ, а также въ метафизикѣ, книга 4-ая, § 3—8.

[3]) τὰ πράγματα καθόλου и καθ’ἕκαστον—термины, обозначающіе общія и единичныя сужденія; καθ’ἕκαστον иногда обозначаетъ и частное сужденіе.

гимъ, а единичнымъ то, съ чѣмъ это сдѣлать нельзя, такъ человѣкъ есть общее, а Каллія единичное), то необходимо показать, относится ли что-либо къ чему-либо вообще, или только въ частности, или же не относится.

2. Если кто либо общему приписываетъ вообще существованіе или же несуществованіе, то эти сужденія будутъ взаимно противоположными. Говоря „высказаться относительно общаго вообще", я разумѣю, напр.: „всякій человѣкъ бѣлъ, ни одинъ человѣкъ не бѣлъ".

3. Если же сужденіе касается общаго, но не обще, тогда противоположности не будетъ, хотя высказанное можетъ быть иногда и противоположно.

Говоря „относительно общаго высказаться не обще" я разумѣю, напримѣръ: „человѣкъ бѣлъ и человѣкъ не бѣлъ"; хотя „человѣкъ" есть нѣчто общее, но въ сужденіи пользуются имъ не какъ общимъ, ибо прибавка „всякій" не указываетъ на общее, а на то, что о предметѣ судятъ общимъ образомъ.

4. Неправильно было бы общему приписывать общее же, ибо ни одно утвержденіе не бываетъ истиннымъ, когда общему приписывается общее же, какъ напр.: „всякій человѣкъ есть всякое животное".

5. Противоположность утвержденія и отрицанія бываетъ тогда противорѣчивою, когда первое приписываетъ что либо предмету вообще, а второе отрицаетъ не вообще, напр.: „всякій человѣкъ бѣлъ, не всякій человѣкъ бѣлъ; ни одинъ человѣкъ не бѣлъ; есть бѣлый человѣкъ". Напротивъ, всеобщее утвержденіе противоположно всеобщему отрицанію, напр.: „всякій человѣкъ справедливъ"—„ни одинъ человѣкъ несправедливъ", поэтому противоположныя сужденія не могутъ быть одновременно истинными. Напротивъ того, въ противостоящихъ имъ сужденіяхъ можетъ случиться, что они относительно одного и того же истинны. Напримѣръ: „не всякій человѣкъ бѣлъ", и „есть бѣлый человѣкъ" [1]).

6. Изъ сужденій всеобщихъ противорѣчащихъ, опредѣляемыхъ всеобщимъ образомъ, по необходимости одно должно быть истиннымъ, а другое ложнымъ.

7. Это же относится къ единичнымъ сужденіямъ, напримѣръ, „Сократъ бѣлъ, и Сократъ не бѣлъ".

8. Если же сужденія, будучи всеобщими, не опредѣлены всеоб-

---

[1]) Это такъ-называемыя „подпротивныя сужденія" subcontraria, которыя могутъ быть одновременно истинными, но не могутъ быть одновременно ложными

щимъ образомъ, то не всегда одно истинно, а другое ложно, ибо можно одновременно утверждать истинность того, что человѣкъ бѣлъ, и человѣкъ не бѣлъ, и что человѣкъ красивъ, и человѣкъ не красивъ; ибо, если онъ безобразенъ, то онъ некрасивъ, и если онъ становится красивымъ, онъ еще не красивъ [1]). Съ перваго взгляда оно покажется нелѣпымъ, ибо сужденіе „человѣкъ не бѣлъ", вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, обозначаетъ, что ни одинъ человѣкъ не бѣлъ; однако эти сужденія обозначаютъ не одно и то же, и вовсе не необходимо, чтобы они существовали одновременно.

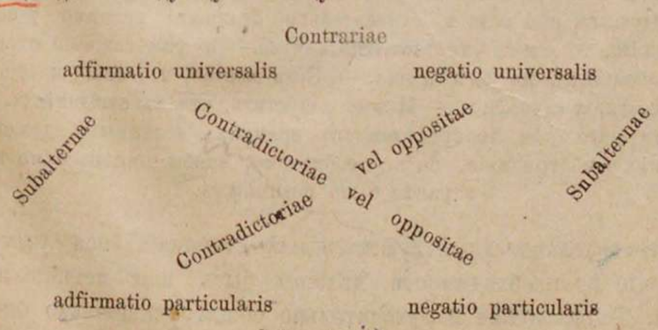
9. Ясно также, что каждому утвержденію соотвѣтствуетъ лишь одно опредѣленное отрицаніе, ибо отрицаніе должно именно тоже самое отрицать, что утверждало утвержденіе, и именно относительно того же самаго предмета, безразлично, единичный ли онъ или общій, и говорено ли о немъ вообще, или же не вообще. Напримѣръ: Сократъ бѣлъ, и Сократъ не бѣлъ. Если же отрицается относительно того же предмета нѣчто иное, или то же самое, но относительно инаго предмета, то сужденіе не будетъ противорѣчащимъ первому, а только различнымъ отъ него. Итакъ противорѣчиво: всякій человѣкъ бѣлъ, и не всякій человѣкъ бѣлъ; нѣкій человѣкъ бѣлъ, ни одинъ человѣкъ не бѣлъ [2]).

10. И такъ сказано, что каждому утвержденію противорѣчитъ лишь одно опредѣленное отрицаніе, и сказано, какія сужденія противорѣчатъ, а также и то, что противоположныя сужденія суть иныя [3]),

---

[1]) Въ этихъ неопредѣленныхъ сужденіяхъ оба противныя сужденія могутъ быть истинными, если ихъ разсматривать, какъ частныя или единичныя, а это возможно, ибо количество сужденія неопредѣлено. Объ этомъ см.: Боэцій, 2 изданіе, гдѣ приведены и толкованія Александра Гермина и Порфирія.

[2]) Боэцій даетъ слѣдующую таблицу:

[3]) То-есть, отличаются отъ противорѣчивыхъ сужденій.

и какія они, и то, что не всякое противорѣчіе необходимо ложно или истинно, и почему это, и когда оно истинно или ложно.

§ 8.

Единымъ называется то утвержденіе или отрицаніе, въ которомъ что-либо одно высказывается объ одномъ.

1. Единымъ мы называемъ то утвержденіе или отрицаніе, которое обозначаетъ одно относительно одного предмета, будь то общее обозначеніе общаго или нѣтъ; напр. всякій человѣкъ бѣлъ,—не всякій человѣкъ бѣлъ; далѣе: человѣкъ бѣлъ,—и человѣкъ не бѣлъ; ни одинъ человѣкъ не бѣлъ,—одинъ человѣкъ бѣлъ; если только бѣлое обозначаетъ одно.

2. Если же двумъ предметамъ, которые не составляютъ единства, приписано одно имя, тогда подобное утвержденіе не едино, напримѣръ, если бы кто либо человѣка и лошадь назвалъ именемъ плаща, тогда утвержденіе „плащъ бѣлъ“ не было бы едино, и отрицаніе тоже. Ибо это изреченіе нисколько бы не отличалось отъ слѣдующаго: „человѣкъ и лошадь бѣлы“, а это нисколько не отличается отъ изреченія: „человѣкъ бѣлъ, и лошадь бѣла“. И такъ, если эти предложенія обозначаютъ многое и если ихъ нѣсколько [καί εἰσι πολλαί], то ясно, что и первое предложеніе [1]) обозначаетъ или многое, или ничего не обозначаетъ, ибо человѣкъ не есть лошадь. Поэтому, въ такихъ предложеніяхъ не необходимо, чтобы, въ случаѣ истинности утвержденія, отрицаніе было ложнымъ.

§ 9.

Нужно различать, касается ли сужденіе настоящаго и прошедшаго времени, или же будущаго, ибо если и относительно будущаго истинно утвержденіе или отрицаніе, то этимъ уничтожается случай.—Но уничтоженіе случая влечетъ за собой нелѣпыя послѣдствія. — Есть многое, что совершается не по необходимости, а случайно. — Нужно допустить, что въ сужденіяхъ, касающихся будущаго или неопредѣленнаго времени, истиннымъ должно быть утвержденіе или отрицаніе, но не необходимо, чтобы именно одно изъ нихъ заранѣе было истиннымъ.

1. Относительно существующаго или становящагося утвержденіе и отрицаніе по необходимости должны быть или истинными, или ложными. Точно также и относительно общаго, поскольку оно обще

---

[1]) То-есть, предложеніе: плащъ бѣлъ.

одно должно быть всегда истиннымъ, а другое ложнымъ, и относительно единичнаго, какъ это сказано; но это не необходимо относительно общаго, если оно не высказано вообще, и объ этомъ говорено. Но не такъ обстоитъ дѣло относительно единичнаго и будущаго.

2. Ибо, если и здѣсь всякое утвержденіе или отрицаніе истинно или ложно, то необходимо, чтобы все или существовало, или не существовало; такъ что если одинъ скажетъ, что это будетъ, а другой именно этого же не станетъ утверждать, то ясно, что одинъ изъ двухъ правъ, если только всякое утвержденіе или отрицаніе истинно или ложно. Ибо въ подобныхъ случаяхъ то и другое не можетъ одновременно имѣть значеніе; если справедливо утверждать, что нѣчто бѣло или не бѣло, то необходимо, чтобы оно было бѣлымъ или небѣлымъ, и если предметъ бѣлъ или не бѣлъ, то справедливо было утверждать это или отрицать; ежели же этого нѣтъ, то всегда будетъ ложно утверждать, и если всегда будетъ ложно, то этого и не будетъ. Такъ что по необходимости или утвержденіе, или отрицаніе должно быть истиннымъ или ложнымъ.

3. Тогда ничего бы не было и не становилось бы случайно, и ничего не было и не будетъ, какъ попало, но все совершалось бы по необходимости, а не какъ попало, такъ какъ или утверждающій правъ, или отрицающій; точно тоже и относительно возникновенія или невозникновенія, ибо природа случайнаго такова, что ему нѣтъ причины быть или стать болѣе такимъ, чѣмъ инымъ.

4. Сверхъ того, если предметъ теперь бѣлъ, то было истиннымъ заранѣе утверждать, что онъ будетъ бѣлымъ, такъ что можно было всегда истинно сказать относительно всего становящагося, что оно есть или будетъ; если же всегда было возможно по истинѣ сказать что есть или что будетъ, то оно не можетъ не быть или не стать въ будущемъ, но то, что не можетъ не возникнуть, возникновеніе того нельзя назвать возможнымъ, и то, что не можетъ не возникнуть, то по необходимости возникаетъ; итакъ все будущее возникаетъ необходимо, и нѣтъ ничего въ будущемъ случайнаго, или такого, что совершалось бы, какъ попало.

5. Нельзя также допустить, чтобы можно было отрицать оба ис- то-есть, какъ то, что что-либо будетъ, такъ и то, что чего-либо детъ; ибо, вопервыхъ, въ этомъ случаѣ утвержденіе ложно, рицаніе не истинно, и если послѣднее ложно, то, слѣдовательно, утвержденіе не истинно.

6. Къ этому присоединяется и слѣдующее: если было правильно сказать: нѣчто бѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ велико, то оба признака должны сосуществовать, если это будетъ такъ завтра, то оно должно быть такъ завтра; если же предметъ завтра можетъ быть или не быть, то и тогда онъ не будетъ чѣмъ либо случайнымъ, напр. морскимъ сраженіемъ, ибо и морское сраженіе должно или возникнуть, или не возникнуть.

7. Итакъ эти и тому подобныя нелѣпыя слѣдствія [проистекаютъ], если во всякомъ утвержденіи или отрицаніи, будетъ-ли оно высказано вообще относительно общаго или относительно единичнаго,—изъ двухъ противоположныхъ сужденій необходимо одно должно быть истиннымъ, а другое ложнымъ; и если въ явленіяхъ нѣтъ случая, но все существуетъ и возникаетъ изъ необходимости, тогда не пришлось бы ни совѣщаться, ни дѣйствовать для того, чтобы, если поступить такъ, было одно, а если иначе, то не было этого.

8. Ничто не мѣшаетъ тому, чтобы кто-либо сталъ утверждать впередъ на 10000 лѣтъ, что будетъ это, другой же—отрицать, такъ что по необходимости одно изъ сказаннаго совершится, и именно то, что одинъ изъ нихъ предсказалъ тогда истинно.

9. Но нѣтъ различія, выскажетъ ли кто-либо подобныя противорѣчащія сужденія, или не выскажетъ, ибо ясно, что самые предметы уже таковы, независимо отъ того, станетъ ли кто-либо утверждать нѣчто о нихъ, или отрицать. Вѣдь не отъ утвержденія или отрицанія чего-либо оно будетъ или не будетъ, и это не болѣе справедливо относительно 10000 лѣтъ, чѣмъ относительно всякаго времени. Итакъ, если во всякое время дѣло въ такомъ положеніи, что одно изъ сужденій истинно, то необходимо, чтобы оно осуществилось; въ такомъ случаѣ и все совершившееся всегда совершалось по необходимости. Когда кто-либо согласно истинѣ скажетъ, „это будетъ", то оно и не можетъ не стать, и относительно совершившагося можно было всегда истинно сказать, что оно будетъ.

10. Но это невозможно [1]), ибо мы видимъ, что принципъ того, что

---

[1]) Остроумныя соображенія, высказываемыя Аристотелемъ, не имѣютъ логическаго интереса, но чрезвычайно важны для разъясненія мнѣній древнихъ о свободѣ воли. Въ виду важности вопроса позволю себѣ сдѣлать нѣсколько писокъ изъ Боэція, который разъясняетъ различіе ученія перипатетиковъ ученія стоиковъ: по мнѣнію перипатетиковъ: hoc ex casu evenire dicitur, q cumque per quamlibet actionem evenit non propter eam rem coeptam, quae aliq agenti successerit. et hoc quidem in ipsa rerum natura est, ut non hoc nostra con

должно совершиться, также зависитъ и отъ совѣщанія, и отъ извѣстной дѣятельности, и вообще въ томъ, что не постоянно дѣятельно [энергируетъ] нѣчто можетъ быть и не быть съ одинаковымъ основаніемъ; во всемъ этомъ двоякое возможно, бытіе и небытіе, а также становленіе или не становленіе. Къ тому же намъ извѣстно многое, гдѣ дѣло обстоитъ такъ; напримѣръ, этотъ плащъ можетъ быть разрѣзанъ, но его не разрѣжутъ, а станутъ и впредь имъ пользоваться. Одинаковымъ образомъ было возможно его не разрѣзать, ибо нельзя было бы имъ далѣе пользоваться, еслибы не было возможности не разрѣзать его. То же самое и относительно всякаго другаго предмета, поскольку онъ зависитъ отъ подобной возможности. Слѣдовательно ясно, что не все существуетъ и становится въ силу необходимости, но иное зависитъ отъ случая, и въ немъ именно утвержденіе не болѣе истинно, чѣмъ отрицаніе; а другое въ большинствѣ случаевъ бываетъ скорѣе такъ, чѣмъ иначе, однако всежь можетъ статься, что это другое сбудется, а первое нѣтъ.

11. Сущему, поскольку оно существуетъ, необходимо существовать, точно также и не сущему, поскольку оно не существуетъ, необхо-

---

staret ignorantia, ut idcirco quaedam casu esse viderentur, quod nobis ignota essent, sed potius idcirco a nobis ignorarentur, quod haec in natura quaecumque casu fiunt, nullam necessitatis constantiam aut providentiae modum tenerent. Стоики, напротивъ, omnia ex necessitate et providentia fieri putantes id quod ex casu fit non secundum ipsius fortunae naturam, sed secundum nostram ignorantiam metiuntur. Id enim casu fieri putant, quod cum necessitate sit, tamen ab hominibus ignoretur. За различіемъ въ пониманіи случая слѣдуетъ и различное пониманіе свободы: Nos (то-есть, перипатетики) enim liberum arbitrium ponimus nullo extrinsecus cogente, in id, quod nobis faciendum vel non faciendum judicantibus perpendentibusque videatur, ad quam rem praesumpta prius cogitatione perficiendam et agendam venimus, ut id quod fit ex nobis et ex nostro judicio principium sumat nullo extrinsecus aut violenter cogente aut inpediente violenter". Стоики же, omnia necessitatibus dantes converso quodam ordine liberum voluntatis arbitrium custodire conantur. dicunt enim naturaliter quidem animam habere quandam voluntatem, ad quam propria natura ipsius voluntatis inpellitur, et sicut in corporibus inanimatis quaedam gravia naturaliter feruntur ad terram, levia sursum meant, et haec natura fieri nullus dubitet, ita quoque in hominibus.... voluntatem quidem naturaliter esse cunctis, et quidquid fit a nobis secundum voluntatem, quae in nobis naturalis est autumant, illud tamen addunt, quodea velimus, quae providentiae illius necessitas imperavit, ut sit quidem nobis voluntas concessa naturaliter et id quod facimus voluntate facimus, quae scilicet in nobis est, ipsam tamen voluntatem illius providentiae necessitate constringi.—Boeth. Sec. ed. стр 193—195. Съ этимъ ср. Гуго Гроція: Philosophorum sententia de fato. Paris. 1648 и отчасти Wildauer. Die psychologie d. Willens bei Socrates, Plato u. Aristoteles. Inspruck. 1877—1879

димо не быть; однако не все существующее необходимо существуетъ, какъ и не всему несуществующему необходимо не существовать, ибо вѣдь не одно и то же, что все, нынѣ существующее, существуетъ по необходимости, или утверждать безотносительно, что все существуетъ по необходимости. То же самое и относительно несуществующаго.

12. Тоже самое слѣдуетъ сказать о противорѣчащихъ сужденіяхъ: всему необходимо быть или не быть, и становиться или не становиться; однако нельзя утверждать, раздѣляя, что только одно изъ двухъ необходимо. Напримѣръ, необходимо, чтобы завтра было морское сраженіе, или чтобы его не было, но быть завтра морскому сраженію не необходимо, какъ не необходимо ему и не быть, необходимо только, чтобы оно произошло или не произошло.

13. Если сужденія истинны въ томъ же самомъ, въ чемъ и предметы, то ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло обстоитъ такъ, что случайное и противоположное возможно, по необходимости таковы же и противорѣчащія сужденія. Это бываетъ съ предметами, которыхъ существованіе и несуществованіе не вѣчно. Въ этихъ случаяхъ необходимо, чтобы одна половина противорѣчивыхъ сужденій была истинной или ложной, однако не именно эта половина или именно другая, а какая случится, и можетъ быть, что одна болѣе истинна [вѣроятна] чѣмъ другая, но теперь еще не истинна и не ложна. Итакъ ясно, что не необходимо, чтобы изъ двухъ противорѣчащихъ сужденій, утвержденія и отрицанія, одно было истинно, а другое ложно, ибо относительно существующаго дѣло обстоитъ не такъ, какъ относительно несуществующаго, но могущаго быть или не быть, а такъ, какъ было сказано.

§ 10.

Части сужденія; опредѣленіе первоначальныхъ [категорическихъ] сужденій. Если обратить вниманіе на связь (есть), то получаются четыре вида сужденій, отношеніе которыхъ разъясняется; новыя четыре сужденія получатся, если одно высказывается относительно другаго въ общемъ смыслѣ, или же если подлежащее сужденія берется неопредѣленно.—Въ сужденіяхъ, въ которыхъ „есть" не выражено, оно подразумѣвается въ глаголѣ. Правило превращенія отрицательнаго сужденія въ утвердительное. Члены или глаголъ въ соединеніи съ отрицаніемъ не даютъ сужденія. Отъ измѣненія порядка словъ сужденіе не мѣняется.

Такъ какъ утвержденіе высказываетъ что либо относительно чего либо, то-есть относительно имени или безымяннаго [1], то одно должно

[1]) То-есть, неопредѣленнаго имени, такъ что ἀνώνυμον=ἀόριστον ὄνομα.

быть высказываемо относительно одного же, (что такое имя и безымянное сказано раньше, ибо „нечеловѣка“ я не называю именемъ, а неопредѣленнымъ именемъ, при чемъ и неопредѣленное имя обозначаетъ одно, подобно этому и „онъ не здоровъ“ не есть глаголъ, а неопредѣленный глаголъ). И такъ всякое утвержденіе и отрицаніе состоитъ или изъ имени и глагола, или изъ неопредѣленнаго имени и глагола.

2. Безъ глагола нѣтъ утвержденія и нѣтъ отрицанія, ибо: „есть“, или „будетъ“, или „было“, или „становится“, и все тому подобное принадлежитъ къ глаголамъ, такъ какъ обозначаетъ время.

3. И такъ первыя утвержденіе и отрицаніе слѣдующія: есть человѣкъ, нѣтъ человѣка; далѣе: есть нечеловѣкъ, нѣтъ нечеловѣка; потомъ: есть всякій человѣкъ, нѣтъ всякаго человѣка; есть всякій нечеловѣкъ, нѣтъ всякаго нечеловѣка. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно того, что внѣ времени,

4. Если же „есть“ присоединяется, какъ третье [1]), тогда противоположныя сужденія могутъ быть двоякими. Какъ напримѣръ: человѣкъ (есть) справедливъ, причемъ слово есть, высказываемое какъ нѣчто третье, можетъ въ утвержденіи относиться и къ имени, и къ глаголу, вслѣдствіе чего образуются четыре сужденія, изъ которыхъ два по отношенію къ утвержденію и отрицанію будутъ лишеніями [2]), — два же — наоборотъ. Напримѣръ, слово „есть“ можетъ относиться или къ человѣку, или къ нечеловѣку, подобно тому какъ и въ отрицаніи, такъ что получается четыре (сужденія). Сказанное мы поймемъ, сопоставивъ сужденія: „есть справедливый человѣкъ“ [3])—отрицаніе этого сужденія „нѣтъ справедливаго человѣка“; „есть несправедливый человѣкъ“—отрицаніе этого: „нѣтъ несправедливаго человѣка“. Здѣсь слова „есть“ и „нѣтъ“ приписываются разъ человѣку, разъ нечеловѣку. Эти сужденія такъ расположены, какъ было указано въ „Аналитикѣ“ [4]).

5. Точно то же и въ томъ случаѣ, когда утвержденіе касается

---

[1]) Къ подлежащему и сказуемому; но, въ сущности, глаголъ „есть“ обозначаетъ въ обоего рода сужденіяхъ одно и тоже, то-есть, существованіе, а не простую связь.

[2]) То-есть, отрицательными сужденіями.

[3]) Это мѣсто я перевожу по тексту Вайца, отступающаго отъ Тейбнеровскаго.

[4]) Vide Analytic. 51 b., 38 гдѣ указана слѣдующая таблица: нѣтъ несправедливаго человѣка — нѣтъ справедливаго человѣка, есть справедливый человѣкъ — нѣтъ справедливаго человѣка.

всеобщаго имени; напримѣръ, „всякій человѣкъ справедливъ“ — „не всякій человѣкъ справедливъ“, „всякій человѣкъ несправедливъ“ — „не всякій человѣкъ несправедливъ“ только съ тою разницею, что діаметрально противуположныя [сужденія] не могутъ быть одинаково истинными, хотя и это иногда возможно. И такъ и эти два сужденія противоположны другъ другу [1]).

6. Два другихъ [вида сужденій] относятся къ нечеловѣку, какъ къ подлежащему. Есть нечеловѣкъ справедливый — нѣтъ нечеловѣка справедливаго; есть нечеловѣкъ несправедливый — нѣтъ нечеловѣка несправедливаго. Бо̀льшаго количества противоположностей не существуетъ, но эти сужденія стоятъ отдѣльно сами по себѣ, такъ какъ пользуются именемъ нечеловѣка.

7. Въ сужденіяхъ, въ которыхъ слово „есть“ непримѣнимо, напримѣръ въ сужденіяхъ: онъ здравствуетъ, онъ ходитъ, слово стоящее взамѣнъ „есть“, и дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы слѣдовало слово есть; напримѣръ, всякій человѣкъ здравствуетъ, всякій человѣкъ нездоровъ; здравствуетъ всякій нечеловѣкъ, нездоровъ всякій нечеловѣкъ.

8. Нельзя здѣсь сказать „не всякій человѣкъ“, но „не“, какъ отрицаніе, относится къ человѣку, ибо „всякій“ здѣсь не обозначаетъ общность предмета, а общность высказываемаго о предметѣ, какъ это ясно изъ слѣдующаго: здоровъ человѣкъ [2]), нездоровъ человѣкъ, здоровъ нечеловѣкъ, нездоровъ нечеловѣкъ. Эти сужденія отличаются отъ предшествующихъ тѣмъ, что они не общи. И такъ „всякій“ или „никто“ ничего инаго не обозначаетъ, какъ только то, что утвержденіе или отрицаніе относятся къ имени вообще, остальное же тому подобное должно быть прибавляемо.

9. Такъ какъ противоположное отрицаніе по отношенію къ сужденію „всякое животное справедливо“ есть то, которое обозначаетъ, что ни одно животное не справедливо, то ясно, что такія [противоположныя сужденія] никогда не могутъ быть одновременно истинными, ни относиться къ одному и тому же: въ то время какъ противорѣчащія имъ могутъ быть иногда таковыми, какъ напримѣръ „не всякое животное справедливо“ и „есть справедливое животное“. — Сужденія „всякій человѣкъ несправедливъ“ и „ни одинъ человѣкъ

---

[1]) Здѣсь вмѣсто αὗται μὲν οὖν οὐκ ἀντίκεινται ἀλλήλαις, слѣдуетъ читать: αὗται μὲν οὖν δύο ἀντίκεινται ἀλλήλαις.

[2]) Собственно: здравствуетъ, ὑγιαίνει.

несправедливъ" замѣщаютъ другъ друга, [ἀκολουθοῦσι αὗται], точно также „не всякій человѣкъ несправедливъ" замѣняетъ противуположное, что есть справедливый человѣкъ, (ибо необходимо кто-либо долженъ быть таковымъ).

10. Ясно, что когда въ единичныхъ сужденіяхъ можно правильно отрицать вопросъ, то можно правильно и утверждать. Напримѣръ: мудрецъ ли Сократъ? Нѣтъ. Слѣдовательно Сократъ не мудрецъ. Но въ общихъ сужденіяхъ сказанное не справедливо въ той же мѣрѣ. Истинно только отрицаніе. Напримѣръ: всякій-ли человѣкъ мудрецъ? Нѣтъ. Слѣдовательно всякій человѣкъ не мудрецъ; но это ложно; а истинно, что не всякій человѣкъ мудрецъ. Это противорѣчащее, а тѣ противоположныя сужденія.

11. Противорѣчащія сужденія съ неопредѣленными именами и глаголами, напримѣръ, нечеловѣкъ, несправедливъ, можно бы принять за отрицаніе безъ имени и глагола. Но это не такъ; отрицательное сужденіе всегда должно быть или истиннымъ, или ложнымъ; говорящій „нечеловѣкъ" высказываетъ истину или ошибается не менѣе или не болѣе того, который говоритъ „человѣкъ", если онъ къ этому ничего не прибавляетъ.

12. Сужденіе „всякій не человѣкъ справедливъ" не тожественно ни съ однимъ изъ предшествовавшихъ; также и противорѣчащее ему „не всякій нечеловѣкъ справедливъ" не тожественно съ первымъ. Напротивъ, сужденія „всякій нечеловѣкъ несправедливъ" тожественно съ „нѣтъ справедливаго нечеловѣка".

13. Перестановленные имя и глаголъ обозначаютъ то же самое, напримѣръ, есть бѣлый человѣкъ, есть человѣкъ бѣлый. Если бы сужденіе не осталось тожественнымъ, то было бы нѣсколько отрицаній одного и того же сужденія, но показано, что одно соотвѣтствуетъ одному, ибо сужденію „есть бѣлый человѣкъ" соотвѣтствуетъ отрицаніе „нѣтъ бѣлаго человѣка". Если же сужденіе „есть бѣлый человѣкъ" обозначаетъ не то же самое, что „есть человѣкъ бѣлый", то отрицанія должны бы быть или: „нѣтъ не бѣлаго человѣка", или: „нѣтъ бѣлаго человѣка". Но первое есть отрицаніе сужденія „есть бѣлый нечеловѣкъ", а второе—сужденія „есть бѣлый человѣкъ", такъ что было бы два отрицанія одного утвержденія. И такъ ясно, что при перестановкѣ имени и глагола утвержденіе и отрицаніе остается тѣмъ же[1]).

---

[1]) Этими замѣчаніями Аристотель пользуется въ Аналитикѣ, гдѣ онъ говоритъ о заключеніяхъ путемъ превращенія.

§ 11.

Если подлежащее или сказуемое состоятъ изъ нѣсколькихъ частей, то сужденіе не можетъ считаться однимъ, за исключеніемъ того случая, когда одинъ предметъ содержитъ въ себѣ нѣсколько опредѣленій. Напримѣръ, діалектическій вопросъ и отвѣтъ на него.

Утвержденіе и отрицаніе одного многимъ или многаго однимъ не составляетъ одного утвержденія или отрицанія, за исключеніемъ того, когда многимъ обозначается одно. Я не говорю объ одномъ, когда имѣется одно имя, но имъ не обозначается одного изъ многаго (ἐξ ἐκείνων), напримѣръ: Человѣкъ вѣдь можетъ быть и животнымъ, и двуногимъ, и кроткимъ, и изъ всего этого образуется нѣчто единое; но изъ бѣлизны, человѣка и ходьбы не возникаетъ единства, такъ что если бы кто либо сталъ имъ приписывать одно, то не вышло бы одного утвержденія, но лишь одно предложеніе (φωνή) и нѣсколько утвержденій. Когда эти понятія будутъ отнесены къ одному, то возникнетъ тоже нѣсколько сужденій [1]).

2. Итакъ, если діалектическій вопросъ [2]) требуетъ отвѣта или на первую часть противоположенія, или на вторую, а первая часть есть только половина всего противоположенія, то не можетъ быть одного отвѣта, ибо вѣдь и вопросъ не одинъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ истиненъ. Но объ этомъ говорено въ „топикѣ» [3]).

3. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно, что вопросъ „что это такое" не есть діалектическій, ибо въ таковомъ [отвѣчающему] должна быть дана возможность выбора той части противоположности, которую онъ пожелаетъ утверждать. Но вопрошающій долженъ сверхъ того опредѣлить человѣкъ ли это или нѣтъ.

4. Такъ какъ опредѣленія высказываются или въ формѣ одного сказуемаго (καθηγόρημα) изъ всѣхъ отдѣльныхъ сказуемыхъ, или же нѣтъ, то въ чемъ же различіе? относительно человѣка можно правильно сказать, что онъ въ отдѣльности есть животное и въ отдѣльности

---

[1]) Итакъ, нужно различать единство предмета и понятія, отъ формальнаго единства въ сужденіи.

[2]) Діалектическій вопросъ тотъ, который заключаетъ въ себѣ альтернативу, которой греки постоянно пользовались, ср. напримѣръ, діалоги Платона. Отвѣчающій, такимъ образомъ, по необходимости долженъ выбрать одинъ изъ отвѣтовъ, которые уже заранѣе подготовлены самимъ вопросомъ.

[3]) Топика VII книга, первая глава.

двуногое, и то же самое можно высказать какъ одно, и [точно также можно сказать] человѣкъ и бѣлое [въ отдѣльности], и это же какъ одно. Но нельзя [того же сдѣлать], если [говорится, что человѣкъ] сапожникъ и хорошій, и хорошій сапожникъ.

5. Получилось бы много нелѣпаго, если бы допустить, что, когда каждое изъ двухъ опредѣленій въ отдѣльности истинно, то и оба въ соединеніи будутъ истинными. По отношеніи къ человѣку правда, истинно и то, что онъ человѣкъ и то, что онъ бѣлъ, а потому и оба вмѣстѣ истинны. Далѣе, если взять бѣлизну (саму по себѣ), то и цѣлое [окажется истиннымъ], потому что получится, что бѣлый человѣкъ бѣлъ, и такъ до безконечности. Далѣе, если взять: музыкальный, бѣлый, идущій, то и они при многократномъ сочетаніи дадутъ безконечный рядъ. Далѣе, если сказать что Сократъ—Сократъ и человѣкъ [то получится, что Сократъ есть человѣкъ], и если человѣкъ и двуногій, то получится, что Сократъ двуногій человѣкъ. И такъ ясно, что вышло бы много нелѣпаго, еслибы кто либо безотносительно сказалъ, что подобныя сочетанія возможны.

6. Теперь мы скажемъ, что слѣдуетъ здѣсь постановить. Сказуемыя и то, къ чему эти сказуемыя относятся, не представляютъ собой единства, если они высказаны случайно, притомъ случайно относительно самого предмета, или относительно другъ друга. Напримѣръ, человѣкъ бѣлъ и музыкаленъ, но бѣлизна и музыкальность не составляютъ единства, ибо случайно соединены съ однимъ и тѣмъ же. Даже въ томъ случаѣ, когда бѣлизну правильно было бы назвать музыкальною, то все-таки музыкальная бѣлизна не представляла бы единства, ибо бѣлизна лишь случайно была бы музыкальною, то-есть, музыкальная бѣлизна не представляетъ единства. Поэтому безусловно сапожника нельзя назвать хорошимъ, хотя можно назвать двуногимъ животнымъ, ибо это ему не случайно.

7. Далѣе [не могутъ быть подлежащему приписаны опредѣленія], которыя уже находятся въ немъ самомъ, поэтому бѣлизну нельзя неоднократно [ею же] опредѣлять, и человѣка—человѣкомъ, животнымъ или двуногимъ, ибо человѣку присуще быть животнымъ и двуногимъ.

8. Относительно отдѣльнаго [человѣка] можно такъ выразиться согласно съ истиной и притомъ безусловно, напримѣръ, этотъ опредѣленный человѣкъ есть человѣкъ или, что опредѣленный бѣлый человѣкъ есть бѣлый человѣкъ.

9. Однако, когда въ подлежащемъ заключено какое-нибудь противорѣчіе, изъ котораго слѣдуетъ противорѣчивое сужденіе, тогда сужденіе не истинно, а ложно; напримѣръ, если назвать умершаго человѣка человѣкомъ; если же [противорѣчія] нѣтъ, тогда сужденіе истинно.

10. Или же, когда есть [противорѣчіе], то сужденіе всегда не истинно, а когда его нѣтъ, тогда оно не всегда истинно; напримѣръ, Гомеръ есть нѣкто, напримѣръ, поэтъ; и такъ существуетъ ли онъ или нѣтъ? Ибо вѣдь существованіе приписывается лишь какъ случайный признакъ Гомеру, такъ какъ говорится, что онъ поэтъ, но существованіе не приписывается Гомеру само по себѣ.

11. Итакъ, когда въ сказуемыхъ нѣтъ противоположности [съ подлежащимъ], когда имѣются въ виду понятія, а не имена [ἐὰν λόγοι ἀντ' ὀνομάτων λέγωνται], и когда сказуемое высказывается само по себѣ, а не какъ случайный признакъ, въ этихъ случаяхъ можно истинно и безусловно ихъ приписывать [подлежащему]. Не существующее же потому только, что оно всегда можетъ быть представляемо, нельзя истинно называть существующимъ, ибо представленіе не существующаго—вѣдь не говоритъ о томъ, что оно есть, а о томъ, что его нѣтъ.

§ 12.

Какъ должно понимать отрицаніе въ модальныхъ сужденіяхъ? относится ли оно къ бытію или къ модальности.

1. Разъяснивъ это, слѣдуетъ теперь посмотрѣть въ какомъ другъ къ другу отношеніи стоятъ утвержденія и отрицанія, когда они касаются возможнаго и невозможнаго [μὴ δυνατόν] случайнаго и не случайнаго, а также и невозможнаго [ἀδύνατον] и необходимаго. Ибо здѣсь есть нѣсколько затрудненій.

2. Если въ связной рѣчи тѣ противоположныя предложенія другъ другу противорѣчатъ, которыя распредѣляются по бытію или не бытію (какъ, напримѣръ, отрицаніемъ сужденія „человѣкъ есть" является сужденіе: „человѣка нѣтъ", а не сужденіе: „есть не человѣкъ", или для „есть бѣлый человѣкъ", отрицаніе „нѣтъ бѣлаго человѣка", а не „есть не бѣлый человѣкъ", ибо если утвержденіе или отрицаніе справедливы относительно всего, то справедливо было бы сказать: „дерево есть не бѣлый человѣкъ). Если это такъ, то въ тѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ „есть" не прибавляется, то же самое производитъ слово

поставленное вмѣсто „есть“ (напримѣръ, сужденію „человѣкъ ходитъ“ не противорѣчитъ „не человѣкъ ходитъ“, а „человѣкъ не ходитъ“, ибо безразлично сказать ли „человѣкъ ходитъ“ или „человѣкъ есть ходящій“). Если это вездѣ такъ, то и отрицаніемъ сужденія „можетъ быть“ служитъ „можетъ не быть“, а не „не можетъ быть“.

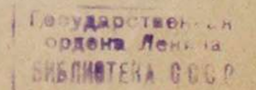
3. Однако, одно и то же можетъ быть и не быть, ибо все, что можетъ быть разрѣзано или что можетъ ходить, можетъ также быть неразрѣзаннымъ и не ходить; и это потому, что все возможное въ такомъ смыслѣ не всегда дѣйствительно [ἐνεργεῖ], такъ что ему свойственно и отрицаніе, ибо вѣдь то, что способно къ хожденію можетъ и не ходить, и то можетъ быть невидимо, что по своей природѣ видимо. Но вѣдь невозможно, чтобы противорѣчивыя сужденія (и отрицанія) относительно одного и того же были истинными. И такъ отрицаніе сужденія, „можетъ быть“ не есть сужденіе „можетъ не быть“.

4. Изъ этого слѣдуетъ или, что можно вмѣстѣ утверждать и отрицать относительно одного и того же предмета или же, что прибавленіемъ „есть“ или „нѣтъ“ [къ возможному] не образуется утвержденіе или отрицаніе. Если первое невозможно, то нужно выбрать второе, и такъ отрицаніе сужденія „можетъ быть“ есть „не можетъ быть“, а не „можетъ не быть“. То же самое разсужденіе примѣняется и къ допустимому, отрицаніемъ его точно также служитъ „недопустимое“ и къ другимъ подобнымъ понятіямъ, напримѣръ къ необходимому и къ невозможному.

5. Бытіе и небытіе являются сказуемыми (προσθέσεις), какъ напримѣръ въ вышеприведенныхъ сужденіяхъ, а подлежащіе предметы суть въ одномъ случаѣ бѣлое, а въ другомъ человѣкъ, здѣсь же [1]) на оборотъ, бытіе и небытіе являются какъ бы подлежащими, возможность же и допустимость суть опредѣляющія сказуемыя; какъ въ первыхъ сужденіяхъ бытіе и небытіе обозначаютъ истинное и ложное, такъ въ послѣднихъ то, что можетъ быть и то, что не можетъ быть.

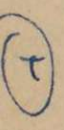
6. Итакъ отрицаніе сужденія „можетъ не быть“ не есть сужденіе „не можетъ не быть“; и точно также сужденію „можетъ быть“ не противорѣчитъ „можетъ не быть“, а „не можетъ быть“ поэтому то кажется что сужденія „можетъ быть“ и „можетъ не быть“; слѣдуютъ одно за другимъ, ибо вѣдь одно и то же можетъ быть и мо-

[1]) То-есть, въ модальныхъ сужденіяхъ.

жетъ не быть такъ что сужденіе „можетъ быть“ и можетъ не быть не стоятъ другъ съ другомъ въ противорѣчіи, но „можетъ быть“ противорѣчитъ тому, что „не можетъ быть“, и они то никогда одновременно относительно одного и того же не могутъ быть истинными, такъ какъ они противорѣчатъ другъ другу. Точно также и „могущее не быть“ и „не могущее не быть“ никогда не бываютъ одновременно истинными относительно одного и того же.

7. Подобнымъ же образомъ и отрицаніе необходимаго не есть то, чему необходимо не быть, а то, чему „не необходимо быть“, отрицаніе же того, чему „необходимо не быть“ есть то, чему „не необходимо не быть“.

8. И тому, чему „невозможно быть“ противоположно не то, чему „невозможно не быть“, но то, чему „не невозможно быть“; а то чему „невозможно не быть“ противоположно тому, чему „не невозможно не быть“.

9. Вообще же, какъ сказано, бытіе и небытіе должно разсматривать какъ подлежащія, и то, что дѣлаетъ сужденіе утвержденіемъ или отрицаніемъ, можетъ быть подведено лишь подъ бытіе и небытіе. Итакъ вотъ какія выраженія слѣдуетъ считать противорѣчащими: возможно, невозможно; допустимо, недопустимо; ~~невозможно~~, не невозможно; необходимо, не необходимо; истинно, не истинно [1]).

§ 13.

Какія заключенія можно сдѣлать изъ возможнаго, допустимаго, невозможнаго и недопустимаго.

1. Сужденія, расположенныя слѣдующимъ образомъ, даютъ нѣкоторыя разумныя заключенія: за „могущимъ быть“ слѣдуетъ то, что „можетъ быть допущено“, и оно можетъ замѣнить первое, и то чему „не невозможно быть“ и „не необходимо быть“; далѣе „могущее не быть“ и „допустимо, что не существуетъ“ замѣняются тѣмъ, что „не необходимо не существуетъ“ и тѣмъ, чему „не невозможно не существовать“. Далѣе „невозможно, чтобы было“ и „недопустимо, чтобы было“ замѣщаются „необходимо, чтобы не было“ и „невозможно, чтобы было“; далѣе „не могущее не быть“ и „недопустимо, чтобы не

---

[1]) Послѣдняя пара, вѣроятно, прибавлена переписчикомъ, ибо она въ перечисленіи модальныхъ сужденій вовсе не у мѣста.

было“ замѣщаются „необходимо, чтобы было“ и „невозможно, чтобы не было“. Сказанное выясняется изъ таблицы:

могущее быть [физически]—немогущее быть
допустимое [логически]—недопустимое
неневозможное — невозможное
не необходимое — необходимо, чтобы не было
могущее не быть — не могущее не быть
допустимо, что нѣтъ — недопустимо, чтобы не было
не невозможно, чтобы не было — невозможно, чтобы не было.
не необходимо, чтобы не было — необходимо, чтобы было.

2. И такъ невозможное и не невозможное слѣдуютъ: первое за допустимымъ и возможнымъ, а второе — за недопустимымъ и невозможнымъ, притомъ такъ, что противорѣчатъ и взаимно замѣняютъ другъ друга, ибо за сужденіемъ о возможности слѣдуетъ отрицаніе „невозможно“ (не невозможно быть), ибо это и есть отрицаніе подобнаго утвержденія, а за сужденіемъ „не можетъ быть“ слѣдуетъ „невозможно, чтобы было“, ибо „невозможно, чтобы было“, есть утвержденіе, а „не невозможно“ есть отрицаніе.

3. Теперь слѣдуетъ посмотрѣть, какъ дѣло обстоитъ съ необходимымъ. Ясно, что не такимъ же образомъ; но здѣсь противуположныя сужденія слѣдуютъ другъ за другомъ, а противорѣчивыя стоятъ отдѣльно, ибо „не необходимо“ не есть отрицаніе сужденія „необходимо не быть“, такъ какъ оба сужденія могутъ быть истинными относительно того же самаго, потому что „необходимо не быть“ не есть „необходимо чтобы было“.

4. Причина же, что необходимое въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ за другими [модальными категоріями], заключается въ томъ, что невозможное противополагается необходимому, хотя обозначаетъ ту же самую возможность; ибо то, что не можетъ быть все-таки необходимо, хотя не необходимо, чтобы оно было, но чтобы его не было; а то, что не можетъ не быть, то необходимо должно быть.

Если въ предшествующихъ случаяхъ, какъ въ возможномъ, такъ и въ невозможномъ, сужденія одинаковымъ образомъ слѣдуютъ, то здѣсь происходитъ обратное, ибо необходимое и невозможное обозначаютъ не одно и тоже, но, какъ сказано, обоюдо-обмѣнимы.

5. Или же невозможно такимъ образомъ поставить противорѣчіе необходимому? Вѣдь необходимое въ то же время должно быть возможнымъ (ибо если бы это было не такъ, то вытекало бы отри-

цаніе; необходимо же утверждать или отрицать; такимъ образомъ, если бы оно не было возможно, то было бы невозможно, и выходило бы, что необходимое въ то же время невозможно, а это нелѣпо). Но за возможнымъ, слѣдуетъ и „не невозможное,“ а за этимъ „не необходимое“ то-есть вышло бы, что необходимое не необходимо, а это нелѣпо.

6. Однако за возможнымъ не слѣдуетъ ни „то, чему необходимо быть“, ни „то, чему необходимо не быть“, такъ какъ и то и другое, может быть приписано возможному, а если одно изъ нихъ истинно, то другое уже не будетъ истиннымъ, ибо возможное можетъ въ одно и то же время быть и не быть; если же что-либо необходимо должно быть или не быть, то оно не можетъ быть вмѣстѣ тѣмъ и другимъ. И такъ остается только, чтобы то, что „не необходимо должно не быть“, слѣдовало бы за возможнымъ, ибо это истинно и относительно необходимаго. То же самое противорѣчіе является и въ „не могущемъ быть“, ибо за нимъ слѣдуетъ „то, что не можетъ быть“ и „то, чему необходимо не быть“; отрицаніемъ этого является „не необходимо, чтобы не было“. Обмѣниваются же эти противорѣчія вышеуказаннымъ способомъ, и если ихъ расположить такъ, то не получится ничего невозможнаго.

7. Можетъ возникнуть затрудненіе, не слѣдуетъ-ли возможное за необходимымъ; — если бы оно не слѣдовало, то вышло бы противорѣчіе относительно невозможнаго, а если не признать противорѣчія, то придется назвать таковымъ „могущее не быть“; но оба противоположены необходимому ложно: однако опять-таки относительно одного и того же предмета кажется возможнымъ, чтобы онъ былъ разрѣзанъ или не разрѣзанъ, чтобы онъ существовалъ или не существовалъ, такъ что необходимое въ то же время явилось бы тѣмъ, что можетъ не быть, а это ложно.

8. И такъ ясно, что не все могущее или быть, или ходить, въ то же время способно къ противоположному, но есть возможныя сужденія, въ которыхъ это невѣрно. Во первыхъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ возможность нелогическая, какъ напримѣръ „огонь можетъ согрѣть и имѣетъ на то возможность не логическую. Логическія возможности напротивъ такія, которыя допускаютъ многое и противуположное, нелогическія же не всегда; но, какъ сказано, огонь не можетъ согрѣть или не согрѣть, точно также невозможно это и всему остальному, что постоянно дѣйствуетъ. Однако нѣкоторыя нелогическія возможности вмѣстѣ съ тѣмъ способны произвести про-

тивоположное. Но это говорится ради того только, что не всякая возможность способна произвести противоположное, даже и въ томъ случаѣ, если возможности принадлежатъ къ одному роду.

9. Нѣкоторыя возможности двусмысленны, ибо возможное говорится не безотносительно; иной разъ возможность называется такъ, потому что она истинна и дѣйствуетъ; напримѣръ, говорится о возможности для кого либо ходить, и, вообще говоря, иное потому называется возможнымъ, что уже существуетъ въ дѣйствительности то, чего оно есть возможность. Съ другой стороны [возможнымъ называется и то], что могло бы дѣйствовать; напримѣръ, говорятъ, что онъ можетъ быть пойдетъ, ибо могъ бы пойти. Этотъ видъ возможности встрѣчается лишь въ движущихся тѣлахъ, а первый и въ неподвижныхъ. Въ обоихъ случаяхъ справедливо сказать, что ходьба (или бытіе) не невозможна; какъ въ томъ случаѣ, когда кто-либо дѣйствительно ходитъ, такъ и въ томъ, когда только имѣетъ возможность ходить. Этотъ видъ возможности нельзя примѣнять къ безусловно необходимому, второй же — можно.

10. Подобно тому, какъ общее слѣдуетъ за частнымъ, такъ также и за необходимымъ слѣдуетъ возможное, однако это не всегда.

11. И вѣроятно, что необходимое и не необходимое суть принципы всего существующаго и несуществующаго, и поэтому-то на все остальное слѣдуетъ смотрѣть какъ на зависящее отъ нихъ.

12. Ясно изъ сказаннаго, что необходимое существуетъ въ дѣйствительности; и если вѣчное ранѣе [1]), то и дѣйствительное ранѣе возможнаго. Бываетъ дѣйствительность безъ возможности, какъ напримѣръ первыя сущности. Другое, напротивъ, дѣйствительно и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно, подобно тому, что по своей природѣ [существу] болѣе раннее, а во времени болѣе позднее; наконецъ бываетъ и такое, что никогда не есть дѣйствительность, а всегда возможность.

§ 14.

Противоположныя сужденія суть тѣ, которыя утверждаютъ и отрицаютъ одно и тоже и въ одномъ и томъ же отношеніи.

Спрашивается противоположно-ли утвержденіе отрицанію или утвержденіе утвержденію же? Далѣе, противоположно-ли сужденіе,

---

[1]) То-есть, если вѣчное имѣетъ логическій prius передъ случайнымъ, измѣнчивымъ.

гласящее, что „всякій человѣкъ справедливъ" сужденію—„ни одинъ человѣкъ не справедливъ", или же сужденіе „всякій человѣкъ справедливъ" противуположно сужденію „всякій человѣкъ несправедливъ.

Какъ напримѣръ: Каллія справедливъ, не Каллія справедливъ, Каллія несправедливъ; которыя изъ этихъ сужденій противоположныя?

2. Если слова слѣдуютъ за мыслями, а въ нихъ представленіе противоположно тому, которое имѣетъ противуположное содержаніе, какъ напримѣръ, „всякій человѣкъ справедливъ" противоположно сужденію „всякій человѣкъ несправедливъ", то необходимо, чтобы тоже самое было и въ утвержденіяхъ, высказанныхъ словами.

Если же здѣсь [въ мысляхъ], противоположно не то мнѣніе, которое имѣетъ противоположное содержаніе, то не утвержденіе будетъ противоположно утвержденію, а утвержденіе—ранѣе указанному отрицанію.

3. И такъ нужно изслѣдовать какое ложное представленіе [мнѣніе] противоположно какому истинному, то-есть отрицательному ли мнѣнію, или же тому, которое кажется противоположнымъ.

4. Напримѣръ, мнѣніе о благѣ, что оно есть благо,—справедливо; другое же, что оно не есть благо,—ложно; иное мнѣніе опять, что оно есть зло. Которое изъ этихъ двухъ противоположно истинному мнѣнію? и если только одно противоположно, то по отношенію къ которому оно противоположно?

5. Невѣрно думать, что противоположныя предложенія опредѣляются тѣмъ, что они касаются противоположнаго, ибо представленіе о благѣ, поскольку оно благо, и о злѣ, поскольку оно зло, суть вѣроятно одни и тѣже, и притомъ истинныя представленія, при чемъ безразлично будетъ ли ихъ нѣсколько или одно, хотя они противоположны. И такъ противоположными предложенія становятся не потому, что обозначаютъ противоположные [предметы], а скорѣе потому, что они къ нимъ относятся противоположнымъ образомъ.

6. Если одно представленіе о благѣ состоитъ въ томъ, что оно есть благо, а другое, что оно не есть благо, и есть еще нѣчто иное, что неприсуще благу и не можетъ быть ему присуще, то никакое другое представленіе не слѣдуетъ считать [противоположнымъ благу], ни то, которое приписываетъ ему какъ нѣчто присущее, что ему неприсуще, ни то, которое не приписываетъ ему то, что ему присуще, ибо оба рода сужденій неопредѣленны, какъ тѣ, которыя не приписываютъ неприсущее, такъ и тѣ, которыя не приписываютъ присущаго.

7. [Противоположныя предложенія суть тѣ], которыя содержатъ въ себѣ ошибку, а таковы тѣ, въ которыхъ есть возникновеніе, ибо изъ противорѣчія происходятъ генезисъ, а также и ошибки.

8. Если благо есть и благо и не зло, и первое само по себѣ, а второе лишь случайно (ибо благо лишь случайно—не зло), то слѣдовательно представленіе, которое [изображаетъ предметъ] самъ по себѣ, болѣе истинно, чѣмъ другое, ложное, хотя бы оно и было истинно [случайно]. Но первое [представленіе], что благо не есть благо, ложно само по себѣ, второе же, что оно есть зло, ложно только случайно, поэтому-то отрицательное представленіе [блага] болѣе ложно, чѣмъ противоположное ему. Тотъ болѣе всего ошибается, кто относительно частнаго имѣетъ противоположное представленіе, ибо противоположные [признаки] одного и того же предмета болѣе всего отличаются другъ отъ друга. Если другое представленіе есть уже то, которое противоположно, то еще болѣе противоположно представленіе противорѣчивое; ясно, что оно—то именно и есть противоположное. Представленіе же, что благо есть зло, ложно, ибо необходимо, кажется, въ то же время представлять себѣ, что оно не есть благо.

9. Сверхъ того, если и въ другихъ случаяхъ должно быть то же самое, то изъ этого вытекала бы справедливость сказаннаго, а именно, что отрицаніе всюду [противоположно] или же нигдѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ нѣтъ противоположнаго представленія, тамъ ложно то представленіе, которое противорѣчитъ истинному, какъ напримѣръ, тотъ ошибается, кто человѣка считаетъ нечеловѣкомъ. И такъ, если эти [предложенія] противоположны, то и другія отрицательныя [1]) предложенія противоположны.

10. Далѣе, одинаково между собой относятся сужденія о благѣ, что оно благо, и о не благѣ, что оно не благо; сюда же слѣдуетъ прибавить представленіе о благѣ, что оно не благо и представленіе о неблагѣ, что оно есть благо. И такъ, если представленіе, что неблаго есть неблаго, справедливо, то какое сужденіе противоположно ему? Вѣдь не то же, которое гласитъ, что оно зло, ибо оно одновременно съ предшествующимъ могло бы быть истиннымъ, а истинное никогда не противоположно истинному, ибо бываетъ неблаго и зломъ, и можетъ случиться, что оба представленія будутъ истинными; но и представленіе, что [неблаго] не зло не про-

[1]) Waitz здѣсь напрасно читетъ ἀντίφασις вмѣсто ἀπόφασις.

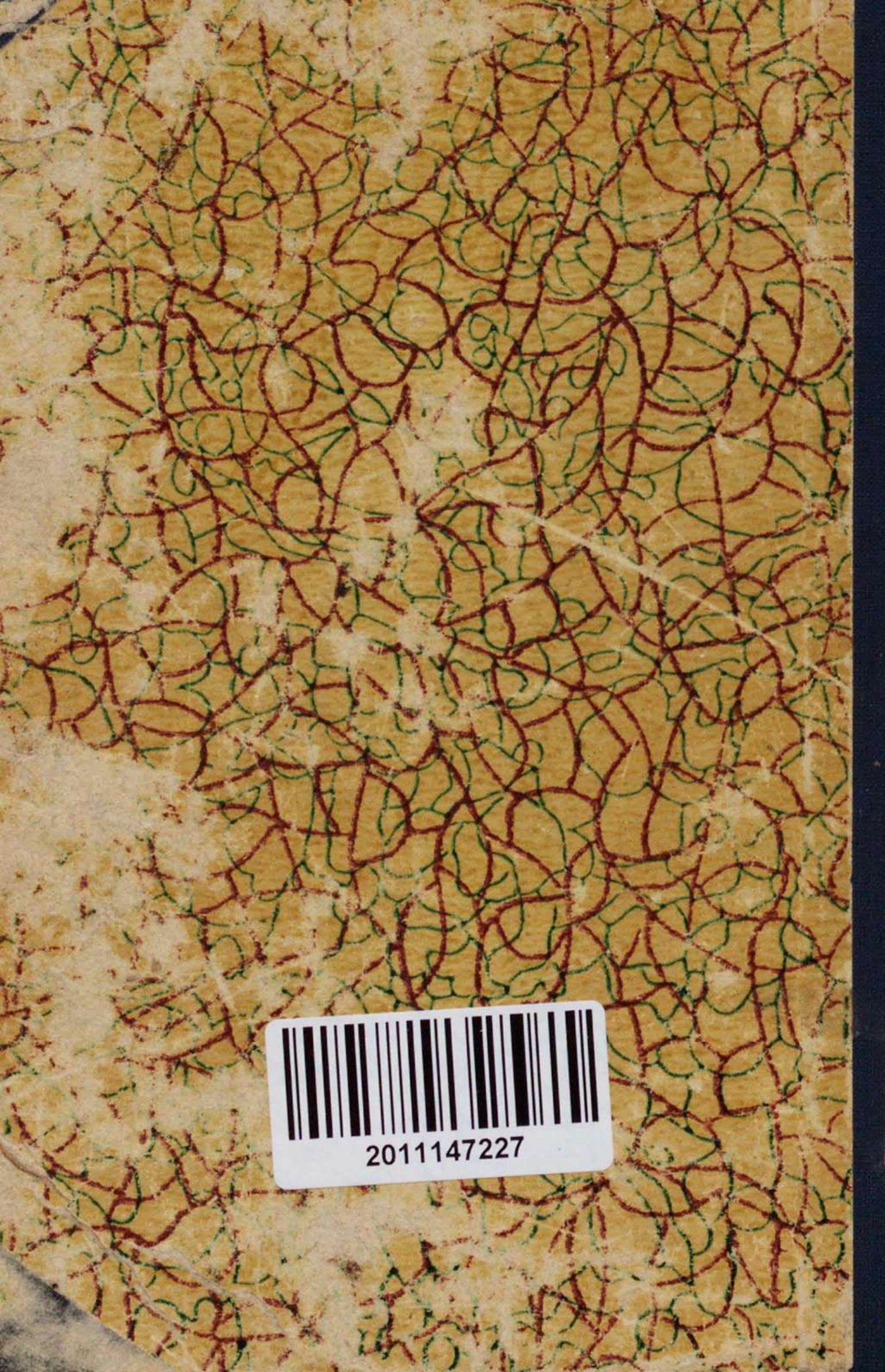
тивоположно, ибо и это справедливо, такъ что и здѣсь оба были бы истинными. И такъ остается только [допустить], что [представленію] о неблагѣ, что оно есть неблаго, противоположно представленіе о благѣ, что оно есть благо.

11. Очевидно, не будетъ разницы, если утвержденіе сдѣлать общимъ, ибо общее отрицаніе ему противоположно, напримѣръ, мнѣнію, полагающему что все, что есть благо—есть благо, противоположно мнѣнію, что никакое благо не есть благо. Ибо мнѣніе о благѣ, что оно благо, если благо понимается какъ общее, тожественно съ тѣмъ, которое полагаетъ, что какое бы то ни было благо—есть благо, а это ничѣмъ не отличается отъ того, что всякое благо, какое бы оно ни было, есть благо, и одинаковымъ образомъ относительно не блага.

12. И такъ, если дѣло относительно мнѣнія обстоитъ такъ, и если словесныя утвержденія и отрицанія суть символы, находящихся въ душѣ представленій то ясно, что утвержденію относительно общаго противоположно отрицаніе относительно общаго, какъ напримѣръ, сужденію всякое благо есть благо, или что всякій человѣкъ хорошъ, противоположно, что никакое благо и ни одинъ человѣкъ [не хороши]. Противорѣчащія же сужденія слѣдующія: не всякое благо или не всякій человѣкъ [хороши].

13. Ясно, что истинное не можетъ быть противоположно истинному, ни въ формѣ мнѣнія, ни въ формѣ отрицанія [1]), ибо противоположныя сужденія высказываются относительно противорѣчащаго, а относительно одного и того же могутъ быть одновременно истинными нѣсколько мнѣній, въ то время какъ противоположное не можетъ одновременно принадлежать одному и тому же предмету.

Waitz читаетъ здѣсь ἀντίφασις вмѣсто ἀπόφασις, но обыкновенное чтеніе намъ кажется болѣе правильнымъ.

2011147227